

Я отстраняю его от предстоящей плавки с вычетом из жалованья нанесенного ущерба.

И уже в своей обычной манере Христиани четко и решительно заключил, ткнув пальцем в сторону Селезня:

— Тебе вести плавку без какого-либо замешательства и промедления. Металл выдать в срок!

И удалился. За ним виновато семенил Фридрих.

Чтобы ускорить плавку, Селезень с мокрой тряпкой на лице полез в печь, мало остывшую от жара. Тряпка быстро высохла, и в груди Селезня занялся настоящий пожар. От про-каленного удущливого воздуха бешено стучало в висках, плясала мелкая рябь в глазах. Шершавая сухость щекотала во рту и горле. Селезень подолгу захлебывался затяжным на-тужным кашлем. По лицу, спине неудержимы-ми струйками побежал пот. Взмокшая, при-липшая к телу одежда стесняла движения.

В утробе печи — густой полумрак. Селе-зень работал почти наощупь. Руки покрылись кровоточащими ссадинами, красноватыми ожогами. Но нужное плавильщик все-таки сделал.

С помощью товарищей Селезень еле вылез наружу через жерло печи, рухнул на доща-тый настил. Тряпка на лице тяжелее и мокрее прежнего оказалась от пота. И тотчас по пла-вильной фабрике поползли сдержанные, скучные пересуды. В них и осуждение, и восторг.

— Вроде не сродни быку Селезень, а упрям-преупрям!

— Понапрасну так радеет — в угодные все одно не выйдет!

— Этак изжаришься, а зажаренный все равно на стол не попадешь!

Селезень поднялся на ноги неожиданно ско-ро, не пошатнувшись, подчеркнуто строгий, прямой.

— Чего стабунились-то? Вроде над упо-койником! Пожарился до семи потов, зато печь стала крепче. А ну, пошел каждый к свое-му делу, да попроворнее!

Как ни усердствовал Селезень, а плавку к установленному сроку не выдал. Непосильное задал Христиани при неисправной печи.

— Почти на сутки опоздал. За такое тебе, плавильщик, в совокупности с дерзостью старшему по службе Иоганну Фридриху достойное наказание причитается.

Христиани резко повернулся и поспешно удалился. Вскоре явились два солдата и уве-ли Селезня. А через три дня на площади, что у церкви Петра и Павла, от скопления масте-ровых и посадских жителей создалась неви-данная до этого теснота. Люди пришли сюда не по своей воли, с тайным предчувствием не-доброго. Поэтому над площадью повисла уст-ойчивая тишина.

Ее нарушил канцелярист Мартын Второй, начавший читать указ канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, подписан-ный самим генералом Беэром. Бросалось в глаза, что канцелярист нескованно гордится поручением начальства — объявить указ «во всенародное известие». Голос у Второго гром-кий, торжественно-проникновенный, будто не указ, а церковную проповедь читает. Второй стоял на жидком дощатом возвышении и вер-

Краткая летопись Барнаула

8. ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1918 год

Январь. Вводится рабочий контроль на всех предприятиях с числом рабочих бо-лее 5 человек.

19 февраля на II губернском съезде Советов избран губисполком. Председате-лем его стал М. К. Цаплин, заместителем — М. К. Казаков. Для управле-ния жизнью образован губернский Совет народного хозяйства [в марте].

Февраль, март. Национализированы Алтайская железная дорога, крупные пимо-катные мастерские, речной транспорт, все отделения банков.

Барнаульский Совет развернул работу по оказанию продовольственной помощи Москве и Петрограду. Он направил также несколько десятков вагонов зерна и муки рабочим г. Шуи. Те в ответ прислали 32 вагона мануфактуры, обуви, строительных материалов.

7 апреля в Барнаул прибыл чрезвычайный комиссар по продовольственным де-лам страны А. Г. Шлихтер, в конце мая — председатель Петрокоммуны А. Е. Бада-ев — для ускорения отгрузки хлеба рабочим центрам страны. Хлеб решал судьбу революции.

тесся, как сорока на колу, чтобы слова указа разлетались во все стороны. После того громко затрещали солдатские барабаны. Они заглушали тонкий пронзительный свист гибкой лозы, сочно полосившей спину Селезня. В полном сознании Селезень вынес немалое число ударов — более ста; этого вполне хватило бы на двоих, а то и троих. Потом окружающее утонуло в плотном кровавом тумане. Память и рассудок возвращались к Селезню всякий раз, когда солдаты из деревянной бадейки обильно кропили ледяной водой обнаженную спину. Но ненадолго — до очередных двух-трех десятков ударов. Селезень не дергался и не кричал истощно. Когда сплевывал кровавую слюну, то сквозь зубы цедил еле-внятные слова угрозы:

— Подождите же, вдвойне отольется безвинное...

Дней через несколько после экзекуции Вторый, восхищенно прищелкивая языком, тараторил каждому встречному:

— Крепкий камень-роговик и тот не выдержал бы такого числа ударов простым щелчком. Ей-ей развалился бы! А Селезень от лозы и трех дней не провалялся на лежанке. Ну и многожильный же!

До Селезня дошли надежные слухи, что Иоганна Фридриха, несмотря на произнесенные асессором грозные слова, никто и не собирается наказывать. Стало очевидным, что через публичное наказание плавильщика Христиани задумал скрыть истинного виновника происшедшего.

Возмущенный до скрежета зубовного, Селезень решительно направился домой к Ползунову накануне его выхода на службу. Поздоровался и без промедления начал было путаной скороговоркой рассказывать о случившемся. Ползунов перебил на первых же словах:

— Обо всем наслышан, и о твоей безвинности пуше всего. Достойно удивления это возмутительное наказание тебя! Ну а ты-то теперь с чем пришел? Надумал что или нет?

Приглашенный сесть, Селезень долго и болезненно извивался всем корпусом. Когда консунлся стула, отер со лба густой пот и заговорил увернее, четче. Ползунов слышал в словах Селезня веру в правду, в ее конечную победу:

— Так я думаю, что в здешней округе для Христиани не сыщется указчика, кроме самого генерала Беэра. Один выход вижу — принести жалобу на имя самой государыни-императрицы. Через все ступени. Иначе выйдет так, что пока до бога дойдешь, угодники шею ототрут, Одна беда только — в письменной части я мало искушен. Вот и пришел к твоей милости, барин, за помощью. Не откажи, ради бога! Не

кланяться же в ноги Мартыну Второму, которого я видеть не могу. Век буду тебе обязан!

По тогдашним правилам обиженный мог приносить только такую жалобу, которая написана с неукоснительным соблюдением многих требований: четкости стиля, логически последовательного изложения, правильности обращения к монаршей особе. Поэтому чаще всего жалобу писал не обиженный, а другое лицо, которое тоже обязано было сообщить свой чин, имя и фамилию.

— Обязательно напишу, Селезень, и в скром времени!

— Спасибо, барин! В надежде шел, что не откажешь. Кто-то должен же укротить лютого зверя. Житья нет никому от него. Не забыл подкатчика Мишку Белоусова, того, что за постоянное молчание Землею кличут?

— Как забыть! Помню.

— Так вот, дней через пять после того, как заболеть тебе, у Мишки вздутие живота и страшные колики произошли. Сам знаешь, барин, от темна до темна вертимся возле печи. Свету солнечному, листочку зеленому или ягоде какой радуемся, как малые дети. Не помню, кто принес из дома в мешочек ягоды боярышника. Крупная, спелая такая, вроде сама в рот просится. Не найти человека, более охочего на такую еду, как Мишка. Наглотался вдоволь той боярки вместе с косточками и ухватился за живот руками. Позже боль скрутила Мишку в калачик. По полу катается, вodu холодную ковшами глотает. И все без пользы. Послал я за лекарем. Христиани тут как тут. Злым коршуном налетел на Мишку, притворщиком, празднолюбом обозвал. Слова Мишке, что о стенку горох. Тогда Христиани кулак в ход пустил. Изо всей силы хлестанул по шее, по спине не один раз. Раненым зверем заревел Мишка. В страхе ли, в боли ли тотчас ослабонился от того вздутия. Без лекаря все обошлось. Только после у Мишки шея непослушной стала, голову поворачивать не дает. Сам лекарь засвидетельствовал. Мишку в конюхи перевели. На конюшие не то, что при плавке и засыпке, — полегче. Но Мишке-то теперь всю жизнь в калеках ходить!

Селезень недолго помолчал, робко и мечтательно произнес:

— Если про Мишку заодно прописать бы. А?

— Не могу. Жалобу надо блюдать только со слов Белоусова. А одному писать сразу две жалобы — немилость начальства навлечь на себя...

Перед концом смены Ползунов как-то заговорил с Яковом Беэром недовольным тоном:

— Странно! У начальства безвинный виновным выходит. Иоганн Фридрих по-прежне-

му топает гусаком, а Селезня боль корежит, к земле гнет. Что же это такое?

Беэр мельком взглянул, скupo и снисходительно улыбнулся:

— Ты, Иван, ищешь то, что другим безо всякого внимания. Сегодня Селезень, завтра другой, потом третий отведает лозы или кнута. Такое близко к сердцу брать — на свете не жить. Плюнь на все и обрети полный душевный покой! Ведь начальству не укажешь, что и как делать!

Ползунов помрачнел. Слова стали отрывистее и колючее.

— А я решил указать начальству! Считаю, что вправе.

— Каким же способом?

— Самым простым! От имени Селезня написал жалобу на высочайшее имя!

— Ты, видать, с ума спятил! Разве неведомо тебе, что любую жалобу вначале начальство обсосет и потом уже, если найдет мотивы и содержание уважительными, донесет кабинету ея величества. А на такое начальство не пойдет, чтобы себя отхлестать. Соображаю я, что жалобщику, что сочинителю круто придется от начальства!

— Правда священна и всегда побеждает!

— До желанного человеку — длинная дорога. Пока оставишь ее позади, и правда не в радость обернется.

— За себя я не тревожусь — писал не супротив указов.

— И-и, куда поехал! Указ-то, как перышко. Дунет начальство, в ту сторону и полетит. Так-то чаще бывает, Иван!

Сказанное Яковом Ползунов раньше не брал в расчет. Борьба с неправдой и самодержавством захватила, была на первом плане и заслонила все остальное. Сейчас, когда постыл пыл, минувшие события предстали перед ним уже в более реальном свете и стали волновать, пожалуй, еще сильнее, чем раньше. «Яков, пожалуй, прав. Жалоба, как и следовало, не минует канцелярии. Христиани ничего не стоит счесть меня виновником и наказать, как злагодарсудится. Против не восстанешь!»

Ползунов ни перед кем не выказывал охватившей его смутной тревоги. От этого на душе лежал тяжелый камень. И главное, что угнетало, — загадочное и необъяснимое исчезновение Селезня. Все предположения и догадки, рождавшиеся в голове Ползунова, казались весьма сомнительными и не утверждались.

Определенным было то, что Селезень не находился в бегах. О беглых всегда публиковались «во всенародное известие» указы, в которых расписывались приметы и изощренные наказания за укрывательство. Таких указов не значилось ни на заборах, ни на специальных будках. И перед раскомандировками мастеровых на работы канцелярские служители ни словом не обмолвились о побеге со службы.

Ко всему, что терзало Ползунова, прибавилось прожигающее чувство вины перед Селезнем. «Услужил!.. Надо было отговорить от приношения жалобы. Селезень наверняка послушал бы меня...»

Краткая летопись Барнаула

15 мая 1918 года в Иркутск, на борьбу с атаманом Семеновым, отправилась рота барнаульских красногвардейцев в составе 250 человек.

В ночь на 26 мая начался мятеж чехословацкого корпуса.

26 мая мятежники по телефону из Новониколаевска предъявили ультиматум Барнаулскому горсовету. М. К. Цаплин ответил:

— Мы до последней возможности будем защищать завоевания революции. Пусть знает об этом контрреволюция!

По призыву военно-революционного комитета красногвардейцы Барнаула, Бийска, Славгорода, Камня выступили к Новониколаевску.

26 мая—14 июня шли тяжелые бои с белочехами и белогвардейцами у станций Есино, Черепаново, Тальменка, Алтайская. Они вошли в историю под названием «Черепановского фронта».

В ночь на 15 июня красногвардейцы оставили Барнаул и отошли на станцию Алтайскую. Отсюда, объединившись в отряд под командованием Петра Сухова, они двинулись к Омску на соединение с Красной Армией.

23 июня И. В. Присягин, М. К. Казаков и секретарь губисполкома С. П. Карев были захвачены кулаками в селе Луковка [ныне Панкрушихинского района] и отправлены в г. Камень, отсюда в Новониколаевск и наконец в Барнаул. Здесь в ночь на 26 сентября они погибли от рук белогвардейских палачей.

Илья Хлопин встретил Ползунова мягким упреком:

— Забыл путь-дорожку к моему очагу! Вроде друга-приятеля доводишься, а не показываешь глаз целую вечность. Куда такое годится? Не ожидал! Может, что случилось с тобой?

В домике Хлопиных — неизменная умиротворяющая обстановка: уют и опрятность. Вошла Евдокия. Поставила на пол подойник, укутанный чистой холстиной. Взглянув на Ползунова, долго и недоуменно терла переносицу, словно не верила своим глазам. И дружно понесла в тон мужу:

— Совести у тебя нет, Иван! Сколько дней утекло после болезни? Считай, немало! А сколько раз тебя видели в этих стенах? А?

С полатей, как паучок, бесшумно спустился Мишутка. Долго топтался на месте в нерешительности — успел поотыкнуть от Ползунова и не знал, как сейчас вести себя.

— Чего же ты, Мишутка, не подойдешь! Ай не узнал? И принес же я тебе в подарок штучку, которой нет ни у одного посадского мальчишки! Во-о! Смотри сюда!

Из рук Ползунова с частым тарахтеньем покатилось по полу, подпрыгивая, медное зубчатое колесико. Этого хватило, чтобы без остатка развеять ребячью застенчивость.

— От башенных часов колесико! Лови его!

Мальчик обеими руками ухватил драгоценный подарок, крепко прижал к груди. Восторженный и радостный, доверчиво усился на колени Ползунова.

Верные хлебосольству, Хлопины сутились. Евдокия порхала по комнате с птичкой легкостью. Голос у нее стал певучим, призывным. Слушаешь такой голос и не смеешь возразить.

— Сейчас будет пирог с нельмой. Не похвалясь говорю — воеводский пирог! Нельма-жировка поймана по первому льду. Как восковая! Что жирна, что нежна — одинаково.

Не в придирку, а солидно Илья прервал словесную прыть жены деловым замечанием.

— Никак забыла! На вешалах в кладовой копченая дичь осеннего убоя!

— Как же так! И в самом деле не додумалась! Сейчас я мигом!

В отсутствие Евдокии разговор принял деловой характер. Собеседники стали сдержаннее, строже в словах. Хлопин спросил Ползунова, кончилось ли его смотрение за рудными плавками. Непонятно отчего, Ползунов резко вздрогнул. На мгновение посуревело, изрезалось морщинами лицо. И неожиданно сломалось, потеплело от широкой улыбки, ка-

кая рождается на лице, когда человека осеняет спасительная мысль.

— А ведь ты, Илья, как-то можешь помочь мне! Почему-то об этом мне не подумалось раньше? Бесплодные и тяжкие раздумья не распирали бы, пожалуй, мою голову, обратясь я к тебе вовремя...

Илья Хлопин вел всю секретную переписку канцелярии. Знал такое, что невдомек не только Ползунову, но и тем, которые не на одну ступень выше по службе. Правда, Хлопин был скован страшным клятвенным обещанием о неразглашении служебных тайн. Случись что, из уст Хлопина тайна дошла бы до постороннего уха — быть великой беде. Немудрено тут заживо сгинуть в потаенных заботах Змеевского рудника, куда нет ходу не то что постороннему человеку, но и дневному свету, или прежде времени отдать богу душу на далекой каторге.

Вспомнил про такое Ползунов и заметно остыл в желании просить приятеля.

— Чего умолк? Вроде на меня какую-то тайную надежду имел. Говори, коли заикнулся. Может, чем и помогу.

— Прости, Илья, не тот разговор я начал. Расскажи лучше, что слышно о водных перевозках руд. Мне не без интереса.

— Не тянни в кусты, Иван! Без надобности такое затеваешь. Выкладывай душу на ладонь, пока Евдокии нет. За сказанное тебя здесь некому плетьми хлестать. Понял? Что не в моих силах — не таясь, отрежу напрямик!

— Ты, пожалуй, прав, Илья, твои доводы не опрокинуть. Ты наверняка знаком с историей плавильщика Селезня, что в формулярах значится Тагильцевым.

— Что такого в том? Каждый знает.

— А вот то...

Ползунов до последней мелочи рассказал, какое касательство имеет к злополучной истории.

— Вот и не посмел было спросить тебя, куда подевался тот Селезень.

— Только и всего? Чудной ты, Иван! Да я тебе о том сказал бы сразу же и без заминки. Знаю, что любая тайна в тебе сохранима надежнее, чем под семью замками. Так вот, по предписанию генерала Беэра на руки и ноги Селезня недели смыки и в Змеевский рудник тайно свезли. Навечно, в секретные колодники. Ты хорошо осведомлен, что это означает.

Вошла Евдокия. Разговор мгновенно переметнулся. Так что Евдокии совсем невдомек, о чём шла речь до ее прихода.

— Теперь не грех и за стол садиться!

Илья придвинул стулья, торжественно усадил Ползунова на почетное место. Евдокия ча-

сто наставила перед Ползуновым посуду, до краев наполненную разной пищей.

— Ешь на здоровье, Иван! При холостяцкой и одинокой жизни в еде ни достатка, ни вкуса.

— Спасибо, Дуся! Постараюсь в долгу не оставаться... А догадываетесь вы или нет, зачем я пришел? Интересно услышать.

Наступила минута молчания. Озадаченные Хлопины не могли ответить на вопросы гостя. Рассмешил всех Мишутка, неожиданно вмешавшийся в разговор взрослых:

— А мне можно, дядя Ваня?

— Пробуй, Мишутка, выручай папку с мамкой!

— Ты по мне соскучился, дядя Ваня, вот и пришел! И колесико принес!

От съеденной пищи, вкусной и плотной, по телу разливалась необоримая тяжесть. Евдокия же без устали ставила на стол новые посудины. Ползунов встал и вышел из-за стола.

— Бесчетное число раз спасибо! Но больше есть не могу! Глаза слипаются! Пощадите меня! А пришел я затем, чтобы пригласить к себе на новоселье. Вчера в казенную светлицу перебрался! За столом у меня не будет такого изобилия...

Евдокия осуждающе перебила:

— Да ты что, Иван! От этакой оговорки гостям только и сидеть у себя дома. Запомни — все, что на столе здесь, будет и у тебя!

Смеясь, Ползунов возразил шутливо:

— Э-э, Дуняша-голубушка! При таком условии, что ты сказала, хозяин вправе не открывать двери гостям. Давай уж так говорить — чем богат, тем и рад! Найдется что-нибудь и у меня добренько...

От Барнаульского сереброплавильного завода до деревни Заплывиной, что ведомства Чумышской слободы, санного пути на ямских перекладных выходило суток двое. В прошлые времена заплывинские мужики, особо те, что в расколе ходили, неоднократно и упорно понуждались властями к выполнению заводских работ. Нынешней же зимой в заводской наряд, как курам на смех, явился единственный мужичонка на захудалой кляче. На такой только и везти покойника на ближний погост — дотянет и не разнесет, а не по двадцать пудов руды или короб угля с дальних расстояний. От заплывинского непослушания мог случиться большой недовоз змеевских серебросодержащих руд. Заодно уменьшилась бы выплавка серебра на Барнаульском заводе.

Лютая злость обуяла Христиани. От нее потерял самообладание. Когда докладывал генералу Беэрну, был бессилен унять дрожь и срывы в голосе:

— Б-б-унт, ваше превосходительство!

Краткая летопись Барнаула

9. В СУРОВЫЕ ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ

1918 год

15 июня в город вошли белочехи и белогвардейцы. Начались массовые аресты и расстрелы. За первые три дня только на Нагорном кладбище было расстреляно и замучено более 200 человек. Среди первых жертв были большевики Н. Д. Малюков, С. М. Сычев, Е. П. Дрокин, Н. А. Тихонов, С. М. Лучанинов, Т. А. Тяпгин.

18—22 августа в Томске состоялась 1-я Сибирская областная конференция большевиков, призвавшая к вооруженной борьбе за восстановление Советской власти. В ее работе приняла участие представитель барнаульских большевиков Эмilia Алексеева.

В сентябре состоялось общее собрание большевиков Барнаула, избравшее подпольный комитет РКП[б] во главе с М. А. Сурновым [Максом]. Комитет взял курс на вооруженное восстание. Для подготовки его был создан военно-революционный штаб во главе с М. И. Ворожцовом [Анатолием].

1919 год

В начале февраля по доносу провокатора часть членов подпольного комитета была арестована.

В конце февраля комитет был восстановлен. Его возглавил посланец томских большевиков А. А. Малиновский [Павел], член РКП[б] с 1904 г. В состав комитета вошли Э. А. Алексеева, М. И. Ворожцов [Анатолий] и др. Комитет условно разбил город на шесть районов, в каждом формировались «пятерки». Были созданы военно-революционный штаб, Красный Крест, паспортное бюро, типография.

С-самый настоящий-с! Вместо пятидесяти-с подво-о-од — разъединственная-я! Надлежит разуметь-с сивобородых козлов!

Генерал Беэр, не задумываясь, повелел обычное в таких случаях:

— Всех ослушников при лошадях согнать на Барнаульский завод! Зачинщиков по военному артикулу пристойным образом наказать плетьми принародно, издав о том в публичное известие надлежащий указ. В Заплыгину послать надежного и исполнительного человека.

Христиани остановил выбор на Ползунове. Вызвал тотчас его, вручил указ канцелярии, список неявившихся на работу и напутствовал:

— Взять тебе из здешней воинской команды от капрала Беликова пять солдат, ехать в Заплыгину в великом секрете и без малейшего промедления, дабы какого помешательства в делах не приключилось. Учинить все, как изображено в указе...

На третьи сутки проводник, тот самый мужичонка, что явился на заводские работы, объявил Ползунову:

— Дальше нет мне ходу... До деревни рукою подать... Мужики увидят, скажут — солдат навел... Не сдбровать мне тогда...

Впереди хороводились высокие прямостоячие березы в самой близости друг от друга. Сквозь беспорядочные и густые сплетения занедевших ветвей, раскидавшихся в стороны, ровным счетом ничего не видно. Солдат, что старше других возрастом, с гренадерскими усами, уколол мужичонка:

— От страха мерещится. Где она, деревнято? Одна пустошь вокруг!

Мужичонка злобно огрызнулся, отходя в сторону:

— Служивый ты вроде, а глаза не на месте! Где, где! Прокопай глазищи и увидишь, что вот за ентой белой стенкой и есть Заплывина! Здесь мне каждый стебелек знаком. Понял? А слова твои мне не в укор. Как обернулся бы ты на моем месте — никем не узнаю.

И он, решительно повернул в обратный путь. Залаяли собаки, потянуло печным дымком.

Солдат, взглянувшись в редкие просветы между березами, согласился вслуш:

— А ить тот мужичонка всамделишний праведник! Жаль — ушел!

Деревня встретила неприветливо-молчаливым безлюдьем. Даже в редких окнах, не прихлопнутых ставнями, ни единого любопытствующего взгляда.

Лишь в запертых дворах, чуя приближение незнакомых пришельцев, в злобном, исступленном лае захлебывались собаки. Ползунов по-

чему-то подумал, что деревня прежде узнала о его приезде, затаилась в тревожном ожидании. «А может, и так, что все жители съехали прочь от неминуемой расправы... Скажем, в горную и недоступную глухомань, именуемую в здешних местах Беловодьем. А есть ли оно в самом деле? Может, то красивая сказка?»

Тот же солдат, словно угадав мысли Ползунова, принял уверять:

— Тута-ка они, вашкороды! Забились в щели, как тараканы перед ненастьем! Ишь кое-где из печных труб дымок струится. Еле приметный, как дух изо рта. Разумею так, вашкороды, что старосту наперво сыскать надоно. А это без труда. Против других староста всегда мужик прожиточный и изба у него отменная — обширная и с наружного вида богаче. Сдается мне, что он под той крышей с высоким коньком со слуховым окном и есть изба старости — остальные в деревне помене и беднее выглядывают.

Солдат не ошибся. На стук без малейшей задержки выскочил простоволосый высокий и бородатый мужик. Лицо перевязано так, что одни глаза смотрят, да нос виден.

— Заплывинский староста Иван Павлов сын Забелин?

Мужик рухнул на строганое крыльце. Заверещал пронзительно и тонюсенько, словно в ногах Ползунова валялась самая плаксивая баба.

— Не виноват я, высокородный господин! Истин крест господень не виноват! Мужиков к работе с должным внушением и усердием понуждал! Только они не ответствовали пристойным образом!

Впервые в жизни наделенный властью Ползунов испытывал смущение и замешательство. В его ногах валялся человек, годами подходивший в деды, а он не знал, как с ним разговаривать, что делать. Выручила находчивость того же солдата:

— Ты, староста, встал бы на ноги, распутал свою рожу. Внятно растолмачил, что в деревне творится. Отчего дерзкое неповинование законным властям получается. Да заодно и в избу пригласил бы. Мы, да и ты, чай, не деревянные, чтобы холод нипочем.

Вошли в избу. Среди многочисленных домочадцев единственный мужчина — седовласый старик, остальные — женщины и девки. При виде солдат они заметались из угла в угол так, что от шелестящих юбок ветер по полу пробежал.

— Вот теперь, староста, расскажи, почему мужики в заводской наряд не явились. Сущую правду и без причетов. От заводской канцелярии мы. Понял?

Ползунов ощущал, как с каждым словом

его голос постепенно крепчает, набирает властную силу. От этого и уверенность в себе появлялась.

Староста снял повязку. Под левым глазом большой синяк, густой, как свежий отпечаток сажи. Правую щеку пробороздил кровоточащий и рваный шрам. Заговорил своим настоящим голосом — басовитым и глухим:

— Взъярились мужики, высокородный господин, как после белены. Я им толкую — отработки не на меня и не на моей пашне, а на саму государыню, на ее собственных заводах. Они поначалу вычурно меня обругали. А когда припугивать стал, так рукам полную волю дали. Извольте видеть, как разукрасили. Приказал бы созвать мужиков-то, высокородный, господин, да внушение, какое надлежит, сделать. Эй, Манька, Дашка, Стюрка! Бегите по деревне, мужиков кликайте в наш двор! Мол, с самого Барнаульского завода власти выехали! А ну, живо!

Староста неприметно, в бороду, ухмыльнулся и принял с снова заматывать лицо. В оправдание бросил Ползунову и солдатам:

— Не обессудьте ужо! В таком виде пристойнее явиться перед мужиками — обид иметь не будут, коли побои спрячуть.

Девки прибежали в избу скопом, заполнив ее шумным дыханием, горластыми голосами.

— Все дворы обежали, оповестили! Закрылись в крайней избе, никого непускают! Нас и слушать не хотели!

— Так жалобно воют песни, что мороз за спину хватает!

Староста соскочил со стула, вытянулся во весь рост. В голосе послышалась откровенная тревога:

— Уж эти мне двоеперстники! Нутром чую — недоброе затеваю! Велел бы поспешить к ним, высокородный господин, во избежание какого-либо с их стороны неразумного и богопротивного поступка. Я здесь пока обожду. Эй, Дашка, проводи!

Крайняя изба обнесена палисадным забором из лиственничной однорезки высотой в два человеческих роста. Однорезка такая неподатливая, что от удара топора на ней оставалась еле приметная сечка.

Ворота во двор узкие, на толстых выгравированных столбах, заплывших смолой. Во дворе целая псаарня. Она, стоило солдатам приблизиться к забору, неистово залаяла, злобно зарычала. Усатый солдат сокрушенно покачал головой.

— Такая крепость против джунгар выстоит! Э-э! Кто там заперся! Выходи на волю!

Зычный голос дошел до слуха запершихся. Песнопение примолкло.

— Люди вы али нет — уймите собак и отоприте ворота!

В раскрывшемся окне, чуть выше забора, показалась мужская взлохмаченная голова:

— Не отопрем! Не желаем в антихристовом услужении быть! Заводская работа нас, нижайших, вконец измотала, ввела в великое

Краткая летопись Барнаула

В феврале 1919 года прошла забастовка рабочих шести типографий. В пяти из них рабочие добились победы.

В апреле состоялась забастовка водников.

В ночь с 8 на 9 июня в Причумышье, для обеспечения большевистского руководства партизанским движением, был направлен М. И. Ворожцов [Анатолий] с вооруженным отрядом в 25 человек из рабочих и распропагандированных солдат охраны железнодорожного моста. Еще раньше по направлению комитета ушли туда Я. П. Новиков, Н. В. Разницын, В. А. Зворыкин, П. Ф. Тиунов, И. М. Дрохжин. Комитет установил связь с зиминским большевистским подпольем, позже — с партизанской армией Е. М. Мамонтова.

2 августа началось Зиминское восстание. 7 августа Барнаульский уезд был объявлен на осадном положении.

В середине августа, схваченная колчаковцами, приняла яд пламенная революционерка Эмилия Алексеева.

9 декабря утром началось наступление партизан на Барнаул. Подпольный комитет поднял восстание. Белые бежали из города.

10 декабря 7-й партизанский полк «Красных орлов» первым вошел в Барнаул.

11 декабря в город вошли части 26-й Златоустовской стрелковой дивизии.

13 декабря. Временный ревком Барнаула преобразован в губревком во главе с В. Аристовым, бывшим политработником 5-й армии.

18 декабря начало свою деятельность губбюро РКП[б]. В Барнауле насчитывалось в это время 466 членов партии и 180 сочувствующих.

оскуднение! Изыдите вон, слуги антихриста!
Не мешайте свершать таинство!

Ползунов без труда узнал заплывинского раскольника, которого наблюдал на Барнаульском заводе при сдаче руд. Узнал Ползунова и раскольник:

— И тебе, барин, не отпрем! Все вы слуги антихриста едины!

Окно резко захлопнулось. Глухо, но сильнее прежнего, зазвучало песнопение. Вызов и обреченностя, торжество и скорбь слышались в голосах запершихся. Неожиданно и мгновенно на стенах избы весело заплясало пламя. И изнутри избы, проев окно, забил огонь. Гибкими и длинными языками, словно дразнил тех, кто находился по ту сторону забора. Песнопение стало громким, надрывным. Вместе с огнем оно выплескивалось наружу предвозвестником скорой и неминуемой гибели людей.

— Ломать ворота и двери!

По приказанию Ползунова солдаты, набежавшие мужики с трудом проломили брешь в воротах, открыли наконец засовы. Собаки без зла на людей промчались мимо, зарываясь в снег с жалобным повизгиванием и фырканьем. Под ударами топоров с треском рассыпалась тлевшая избыняная дверь. Получив свободу, рвануло упругое пламя, отбросило назад Ползунова, дерзнувшего заскочить в избу. Потом пожарище потонуло в дожде искр — обрушился потолок. Сквозь шум и треск пожара доносится последний сдавленный возглас, похожий на тяжкий предсмертный выдох: ы-ы-ы-х-..

Ползунов, а за ним все остальные обнажали головы. Огненное крещение раскольников произошло так быстро, что не было возможности его пресечь. На месте избы остались пепел и уголь. Среди них горевшие трупы людей, до неузнаваемости маленькие, дунь — и разлетятся в стороны...

А заплывинский староста большим притворщиком оказался. Чтобы с себя сложить вину за бунт, искусно намалевал на лице мнимые следы страшных побоев. Заплывинские мужики про то рассказали, когда под конвоем явились на завод.

Ползунов умолчал перед начальством про хитрость старости. Себя ведь от беды ограждал человек, никому зла этим не причинил.

При определении в гиттеншрейбера начальство обещало обучить Ползунова и Якова Беэра плавильному, приборному, маркшейдерскому делу, механическому действию рудников и заводов. Сам Христиани в подтверждение тому вроде бы приставлял Ползунова то к плавильному мастеру Иоганну Фридриху,

то к приборщику Попову, но на короткое время, чтобы не последовало какого ущерба гиттеншрейберской службе. Выходило так: Ползунов только начинал прикипать к тому или иному делу, постигать премудрости, как указом канцелярии его отзывали к гиттеншрейберским запискам. Постоянное дерганье изматывало душу, рождало чувство неудовлетворенности и неопределенности. Гиттеншрейберская служба становилась все в большую тяжесть.

Ползунов неоднократно писал в рапортах по команде, чтобы ему беспрепятственно позволяли практически освоить — «изучить своими руками» — одинаково и горное дело, и металлургию.

Расчетливый Христиани действовал не в ущерб заводским нуждам. Соответственно тому и Ползунова использовал. Об учебе рассуждал так: годы Ползунова молодые, времени еще хватит на все. Прочно убедившись в добродорядочности, осведомленности и исполнительности Ползунова, Христиани давал ему самые разные поручения: то проверку состояния офицерских светлиц на предмет ремонта, то осмотр лодок или разных припасов и материалов, закупленных заводским ведомством. Только за один год Ползунов запомнил до десяти таких поручений. Исполнение большинства из них требовало довольно продолжительных поездок в разные места Кольвано-Воскресенской округи. Время проходило впустую. Терялась возможность чтения книг, взятых из богатой на удивление библиотеки отца Василия, занятый черчением и рисованием, изучения математики, механики.

Не успел Ползунов возвратиться на Барнаульский завод из очередной поездки, а его ожидала новая, более продолжительная. Мысль о водных перевозках руд заново засела в голову Христиани. В тот памятный день генерал Беэр, придилично рассмотрев планшеты, принесенные Христиани из гиттеншрейберской, восторженно отозвался:

— Я вижу, господин асессор, сие как раз то, что необходимо для безостановочного действия Барнаульского завода. С наступлением первого тепла надлежит дать полный ход водным перевозкам. Прежде того надобно послать людей для разведывания выгодных и кратчайших путей от рудных мест к берегу Чарыша. Вам, господин асессор, превеликая благодарность! Немало и не без пользы потрудились. Угадываю — не одну бессонную ночь провели за этими планшетами.

Христиани чуть повел плечами, на миг опустил голову, однако против незаслуженной похвалы не восстал.

— Есть ли у вас, господин асессор, на при-

мете человек, способный возглавить предстоящее предприятие?

Христиани без промедления ответил и тем немало удивил генерала:

— Есть, ваше превосходительство! Гиттеншрейбер Ползунов!

— Опять Ползунов!

— Его знания, исполнительность и усердие, ваше превосходительство, не подлежат малейшему сомнению!..

Весна выдалась дружная и ранняя. К пасхе солнце согнало снега с открытых равнинных мест. В Барнаульском посаде дороги просохли так, что конские копыта на них взбивали темные сгустки пыли. Совсем как летом. О весне напомнили лишь ручьи, тонко отзывающиеся в пойме реки Барнаул, да воздух, густо напоенный влагой. На редких деревьях еще не распустилась листва. Но полнотельные, набухшие почки вот-вот готовы были раскрыться и обнажить клейкие ярко-зеленые побеги.

Пасхальная неделя в Барнаульском посаде прошла неприметно и тускло. То определялось предусмотрительностью начальства. По его указу винные целовальники навесили на двери своих заведений пудовые замки. Открой их — и навлечешь на себя тяжкие кары. Лишь немногим посчастливилось выпить по-христиански обычную в светлый праздник: тем, кто пользовался неограниченным доверием целовальников и долгое время брал в кредит хмельное. Однако и они провели праздник без драк до сковоротов, громких песен и излишнего шума. Пили скромно, и бесшумно падали в постели.

Христиани вызвал Ползунова, как только кончилась пасхальная неделя. Пытливо и долго всматриваясь в лицо. Будто хотел приметить хотя бы малейшие следы хмельного праздничного разгула. К удивлению Ползунова, Христиани впервые заговорил о том, что не имело и малейшего касательства к службе:

— Как здоров, гиттеншрейбер? Доволен ли казенной светлицей, в которой ныне имеешь жительство? Не намерен ли обзавестись семьей?

Не ожидая ответов, Христиани открыл дверку массивного шкафа и достал ползуновские планшеты. Тем самым как бы дал понять, что задал вопросы отнюдь не из интереса к жизни Ползунова, а из стремления расположить к себе собеседника и соблюсти общепринятый этикет.

— Ну-с, гиттеншрейбер, мне весьма нравится широта твоей любознательности. Иные на твоем месте не дерзают дальше интересов возложенной на них службы. Ты же горазд на большее. Не скрою, что главный командир здешней канцелярии его превосходительство генерал-майор Андрей Бенедиктович Беэр при рассмотрении твоих планшетов выразил немалую похвалу и полное одобрение перевозок руд водным путем. Поздравляю, гиттеншрейбер!

Не успев опомниться от услышанного, Ползунов ощутил поспешное и короткое пожатие жесткой и костлявой руки Христиани. Ползунов никак не мог понять, что требуется от него, как вести себя в таком случае, и выжидательно молчал. Христиани удобнее разместился в кресле. Продолжительно и изучающе по-

Краткая летопись Барнаула

10. И МОЛОТ, И ВИНТОВКА

...Не беда, что наши раны не зажили,
Что перчатки у нас из мозолей.
В нас бушуют несметные залежи
Сил, способностей и железной воли!

Из стихотворения рабочего А. Королева «Мы победим!»
(Газета «Красный Алтай» от 7 января 1921 г.)

3 января 1920 г. по инициативе губбюро партии проведено первое собрание молодежи, желающей вступить в комсомол. Записалось 40 человек. Был избран городской комитет. Через месяц в организации насчитывалось уже 500 человек.

9 февраля состоялось первое общее собрание городской организации РКП(б).

25 апреля начались выборы в Барнаульский Совет.

25 мая объявлена запись добровольцев на польский фронт. 26 мая опубликовано обращение Е. М. Мамонтова о формировании добровольческой бригады.

смотрел на ошеломленного Ползунова. Сухие щеки Христиани чуть тронула скрытая улыбка. Ассессор испытывал внутреннее удовлетворение воздействием произнесенных им слов на Ползунова. Стараясь не придавать своему голосу обычной жесткости и бесстрастности, Христиани заговорил доверительно:

— Так уж заведено, гиттеншрейбер, — предводитель, зовущий вперед войско, первым делает шаг. Подающий мысль должен первым доказать ее пользу для себя и других! Вот и тебе предстоит первому изыскать дороги от рудных мест к берегам Чарыша — с планшета переложить линии на местность. Как и что тебе делать, с подробностями рассказывает письменная инструкция. Места тамошние лежат возле самой джунгарской границы. Предприятие твое небезопасное. Помимо людей, кои надобны при поисках дорог, взять тебе потребное число солдат при ружьях и боеприпасах. А для сбору в путь дается тебе три дня за вычетом сегодняшнего...

В необходимости предстоящей поездки Ползунова убеждали не столько слова Христиани, сколько собственные рассуждения и выводы. Ведь в самом начале предприятия стоял он, Ползунов, а не кто-либо иной. Правда, прокладывая линии на планшетах, он не задумывался, кто прошагает по намеченным дорогам. От сознания, что затяжное исходит почти целиком от него, Ползунов внутренне испытывал гордость...

Места, где проходили поиски, самые разнообразные, но больше — безлесные. Глубокие и крутобокие увалы, в которых еще безумолчно гремели ручьи, сменялись открытой, чуть всхолмленной и совсем без кустика степью. Лишь изредка на крутых склонах холмов черными грибами теснотился пихтач. Одному не было конца и края — пестрому цветению. Марьины кореня вперемешку с дикими маками сбегали вниз по склонам. Белоснежные ромашки как бы преграждали им путь в низины, где безраздельно господствовали огоньки. Белое и огненно-рыжее, ярко-красное и желтое, нежно-лиловое и бледно-розовое беспорядочно расплескалось, смешалось. Казалось, чья-то щедрая рука обильно полила разноцветными красками воспрявшую от зимнего сна землю. Ползунов любил наблюдать яркое цветение с вершины склона. Безграничный восторг от любования природой согревал его душу, навевал пылкие и призрачные мечты, Ползунов поспешно спускался по склону, почти не разгибая спины, без устали и с жадностью рвал цветы, укладывал в тугие объемистые букеты — и вдруг ловил на себе тревожно-любопытные взгляды подчиненных. Кончалась власть мечты. Ползунов аккуратно

складывал цветы на землю. Теперь на лицах подчиненных — полное недоумение. И в самом деле, зачем так рьяно рвать цветы, чтобы тут же выбросить их?

Ползунов с командой разведал и вымерил кратчайший путь от Змеевского рудника до берега Чарыша. Он равнялся восьмидесяти пяти верстам. На всем его протяжении не встретилось ни одной деревеньки. Сама деревня Тугозвонова, что на берегу Чарыша, насчитывала десяток дворов.

Особо тщательно Ползунов выбирал место для будущей пристани. У Тугозвоновой Чарыш оказался недостаточно глубоким и бурным.

Выше деревни Тугозвоновой, в двух верстах, у места под именем Красный Яр река оказалась намного глубже. Здесь стоянка для судов была бы удобнее — крутая излучина защищала суда от течения и ветров.

Ползунов приказал забить четыре кола, обозначив тем место пристани. Позже ему стало известно про такое же предложение солдата Костылева, бывавшего в этих местах ранее. Из-за безлюдья Ползунов отметил кольями и три будущих зимовья на рудовозной дороге.

Странствуя по незнакомым местам, Ползунов не раз мысленно благодарил крестьянина Лариона Тупицына за сообщение о рудных дорогах. Их предстояло открыть и проложить еще немало. Кроме Змеевского, давали руду и другие месторождения. Четко и аккуратно Ползунов наносил на планшеты жирные линии дорог, то по-струнному прямые, то изломанные, с объездами неудобных мест. Делалось это во время стоянок и отдыха команды. От Красного Яра Ползунов пошел параллельно Чарышу и вверх по его течению, чтобы промерить расстояния между намеченными дорогами. Это было последнее, что предписывала инструкция.

Стояла теплая и безветренная июньская погода, когда кончилась пора буйного цветения. От мысли о скором возвращении на Барнаульский завод Ползунов находился в приподнятом настроении. Казалось, вовсе и не было изматывающих силы дорожных неудобств, напряжения и усталости.

В жаркий полдень команда остановилась на отдых на приречной возвышенности под развесистыми и корявыми ветлами. Место удобное: ветерок и прохладная тень. К тому же — скрытое. А отсюда, сверху, по безлесной равнине глаз доставал на несколько верст.

Только расположились, как дозорный солдат, всматриваясь в даль, негромко и неуверенно оповестил:

— Вроде бы какие-то черные букашки движутся...

Ползунов взглянул в подзорную трубу. Букашки оказались медленно передвигавшимися конниками. Их было около пятидесяти. Конники перешли на стремительный галоп, такой, что вскоре стали хорошо различимы невооруженным глазом.

— Джунгарский разъезд! — дико завопил дозорный.

Капрал, что возглавлял десяток солдат, приданых Ползунову, подал команду изготавтесь.

Ползунов обратился к нему.

— Силы наши, капрал, слишком слабы. Без крайней необходимости баталии не открывать. Так смею, через баталию наше предприятие погубим. Наиважнее всего добрым словом обезоружить джунгар и пролития чьей бы то ни было крови избежать.

Ползунов слышал о жестоких и опустошительных набегах джунгар на русские поселения, особенно же на крепости, форпосты и иные укрепления, на рудники и заводы. Еще при Демидове скопища джунгар напали и разрушили Чагирский рудник, а крепость при нем сожгли дотла.

Отряд джунгарских конников остановился шагах в ста от лагеря Ползунова. Из них выделялся тот, что горделиво восседал на грацистой гнедой лошади. Шапка на нем круглая, из темного меха с яркой белой оторочкой по низу и обрезком конского хвоста на остроконечной вершине. Одет конник в безрукавую телогрейку из белой, блестевшей на солнце кожи, отделанную по бортам и подолу пушистыми дорогими мехами.

Среди солдат, затаившихся за ветлами, пронеслось негромкое:

— Ентот, с хвостом на голове, видать, самый главный у них...

— На мушку бы его, и вся кумпания по полю ветром!

— Но-но, рассказывай басни! Я-то уж знаю ентих — не робкого десятка. Не смотри, что оружных среди них мене половины, а остальные с луками. Их благородье давеча верное сказывал: уговором надо баталию отвесить...

От отряда джунгар отделились два конника, среди них тот, который, по мнению солдат, был главным. Приблизившись шагов на пятьдесят, остановились. Над притихшими людьми Ползунова пронеслось пронзительно громко и по-русски:

— Э-э! Кто такие будете, куда и зачем путь держите? Отвечайте без заминки могущественному и воинственному хану Абаку!

Тотчас джунгары дали понять, что настроены далеко не миролюбиво. Где-то рядом с головой Ползунова тонко и пронзительно пропела стрела, пущенная из лука, с цоканьем воткнулась в ветлу. Ползунов понял сложность своего положения. Промедли он минуту-другую с ответным действием, и джунгары с диким гиканьем устремятся вперед. Тогда наступил бы страшный конец для Ползунова и его людей — смерть или унизительный и позорный плен. В голове Ползунова мелькали короткие обрывки мыслей. Ни одна из них сейчас не казалась достаточно надежной и спасительной. Между тем отряд джунгар придвижился к своим посланцам. За спиной Ползунова послышался горячий солдатский полуслепот:

— Что смотрим, высокородье?

Краткая летопись Барнаула

В июне 1920 года в связи с вооруженными выступлениями кулачества началось военное обучение коммунистов и формирование из них коммунистических отрядов. Из коммунистов Барнаула был создан в марте 1921 г. Коммунистический полк.

В сентябре была объявлена пятипроцентная мобилизация коммунистов для пополнения войск Западного фронта. Всего с Алтая на борьбу с панской Польшей и Врангелем ушло шесть кавалерийских эскадронов и конно-артиллерийский дивизион.

20 февраля 1922 года в селе Власихе, под Барнаулом, кулачи убили Е. М. Мамонтова.

В апреле 1922 г. газета «Красный Алтай» сообщила о разгроме банд Кайгородова и Семенек в Горном Алтае. В сентябре с политическим бандитизмом в губернии было покончено.

11 марта 1923 г. в школе имени III-го Коминтерна создан первый в городе пионерский отряд.

24 ноября 1924 г. объявлена неделя траура в связи со смертью В. И. Ленина. В дни ленинского призыва сотни рабочих вступили в партию.

С мая 1925 г. Барнаул стал окружным центром Сибирского края.

— Посекут ни за что, окаянные, наши головушки!

— Ежели дружно и враз пальнуть, богадст, спужаются басурманы...

Не оглядываясь, Ползунов, как можно тише, но отчетливо приказал:

— Не слушничать у меня...

Всю дорогу Ползунов носил старое партикулярное платье. В нем намного удобнее и свободнее при работе. Ползунов решился на то, что сейчас казалось ему более разумным и возможным. Медленно пошел навстречу к джунгарам с одним бергайером. Ветхая одежда бергайера изрядно поистрепалась в пути и пестрела от множества заплат разной формы и величины. Оба они никак не походили на служивых людей, на чем и строил Ползунов весь свой расчет. Позади него слышались полные решимости слова капрала, почувствовавшего себя единонаачальником:

— Чуть что, солдатушки, пальнем из мушкетов по нехристям! Не терять же голов впластую!..

«Не дай бог, если дойдет до этого!» — молнией пронеслось в голове Ползунова.

У хана Абака злой, пронизывающий взгляд раскосых глаз. От таких, казалось, не утаить не то, что злого умысла, но и самой ничтожной неправды. При виде двух русских, коленопреклоненных, в обтрепанной одежде, кончики жидких обвислых усов хана тронула довольноная улыбка. Переводчик, русский мужик в молодых годах, после полученных ответов на заданные вопросы, принял часто и, как показалось Ползунову, сочувственно толмачить хану:

— Сказывают эти людишки, могущественный и воинственный хан, что вольным промыслом себе пропитание добывают, от заводских властей хоронятся в потаенных местах и считают тебя большим другом, потому как ты эти места своей защитой ограждаешь от белого русского царя. Числом же этих людышек не более десятка.

В презрительной ухмылке, прищуре и без того узких глаз Ползунов угадал противоречивые чувства хана — горделивое самодовольство и неверие в правдивость услышанного. Вновь заговорил толмач, выполняя волю хана:

— Могущественный и воинственный хан требует подтверждения вашего уважения к нему, ибо слова подобны дыму, который исчезает с первым ветром.

Ползунов поднялся на ноги и, насколько умел, спросил с торжественностью в голосе:

— Зрит ли могущественный и воинственный хан раскидистое дерево, что растет вон там, где красавец Чарыш изгибается локтем и уходит вправо?

Удивленный хан повернул голову в указанном направлении. Отрицательно покачал головой и что-то процедил сквозь зубы.

— Слишком далеко, — перевел толмач. — Человечьему глазу не увидеть.

— Могущественный и воинственный хан может прозреть и увидеть то, что недоступно даже соколиному оку, если пообещает быть другом и защитником бедных и обездоленных людей и отпустит их восься с миром.

При этих словах брови хана упали вниз, лицо помрачнело и взбугрилось. Он заговорил часто и раздраженно. Переводчик еле успевал за ним:

— Могущественный и воинственный хан еще не стар годами, но достаточно мудр, чтобы не понять насмешки над собой. Небесный творец, создавая хана по образу и подобию своему, наделил его в достатке силой, умом, зрением и слухом. Превыше этого достатка не может быть ничего на свете.

Настал решающий момент в затее Ползунова. Приложив руку к сердцу и низко, до земли, поклонившись, он затем протянул хану подзорную трубу. Тот, недоверчиво косясь, все же взял незнакомый предмет, повертел в руке недоуменно.

— К глазу, к глазу приставить надо! — Ползунов сопроводил слова выразительным жестом. — Тем концом, который поуже... Во-во!

Из груди хана вырвался сдавленный прерывистый крик, по-мальчишечьи восторженный. Потрясенный увиденным, он обернулся к Ползунову. Лицо хана, растопившееся в улыбке,казалось, никогда прежде не было надменным и непроницаемо-строгим. Он что-то часто говорил Ползунову, но в непонятных словах вместо настороженности и недоверия слышалось теперь одно только восхищение.

Переводчик принял пояснять:

— Могущественный и воинственный хан никогда не видел так далеко и отчетливо, как сегодня через эту трубу.

Ползунов понял, что план его удался. Он великодушно предложил:

— Пусть хан всегда видит так же далеко и отчетливо, как сегодня. Буду рад, что подарок придется ему по душе!

В ответ на слова Ползунова хан спрыгнул с коня, снял с себя шитый бисером кушак, на котором красовались изогнутые ножны в дорогой металлической оправе, и опоясал им Ползунова.

— Мой хан выражает тебе, бывший член, по обычаям своего народа самую глубокую дружбу, опоясывая тебя собственным кушаком! Еще хан говорит, что его рука всегда защитит тебя от недруга!..

Опасность, казавшаяся грозной и безысходной, миновала. Все облегченно вздохнули, когда джунгарская ватага скрылась из виду.

После встречи с джунгарами все, происходившее вокруг и предстоявшее по службе, показалось Ползунову незначительным, мелким. С возвращением на Барнаульский завод Ползунову предоставили двухдневный отдых. О том торжественно объявил сам Христиани, не скрывший удовлетворения исходом закончившейся экспедиции.

— Успех предприятия, гиттеншрейбер, во многом обеспечен тобой, твоим благоразумием. Особливо отмечу твою находчивость в обращении с джунгарами. Сему счастливому действию позавидовали бы самые мудрые послы. Одно лишь вводит в смущение...

По лицу Христиани скользнуло кислое выражение — признак, совсем не предвещавший чего-либо доброго и приятного. Ползунов насторожился.

— Ущерб ея императорскому величеству! — И, видя непонимающее выражение на лице Ползунова, пояснил: — По прейскурантам комиссарского правления подзорная трубка расценивается в пятнадцать рублей... Да уж ладно, гиттеншрейбер! Я самолично попытаюсь дать обстоятельное изъяснение по команде, дабы каких вычетов из твоего жалованья не последовало. Дерзаю тешить себя надеждой, что мое мнение разделят их превосходительство генерал-майор Беэр...

Услышанное неприятно покоробило, вернуло Ползунова к действительности. Невольно подумалось: «Случись худшее при встрече

с джунгарами, Христиани, да и сам Беэр, на верняка не упомянул бы об ущербе, отнеся его на счет хана Абака. Вышло же все по-иному — я и моя команда остались живы. В таком разе начальству не резон умалчивать о подзорной трубке. Знай, дескать, Ползунов, и на ус себе мотай!..»

На другой день Ползунов пошел на Обь с намерением съездить на заимку к Прихожеву, с которым продолжал поддерживать добрые отношения.

Лодка оказалась ходкой. Не прошло и часа, как Ползунов выпрыгнул из нее на лоснившийся от сырости песок и стал пробираться вперед кромкой густой тальниковой забочки.

Вот и выгон. Но что это? Где же Прихожев, его дочь, работники? Ни людского говора, ни лая собак, ни мычанья. Одна лишь тишина.

Бездонными оказались зимняя изба, в которой жили работники, ухаживавшие за скотом, обширный и вместительный сарай с сеновалом.

Ползунов стоял в нерешительности, раздумывая, что предпринять.

Может, Прихожевы другой выпас открыли? Но где же его искать?

Размыщления Ползунова прервали странные звуки, захлебывающиеся, прерывистые. Ползунов прислушался. Непонятные звуки переросли в ровный храп. Кто-то спал на сене, сметанном на жерdevой настил, чуть не под самой крышей сарая.

— Э-э! Кто там! Проснись, человек!

От громкого окрика Ползунова кто-то зашевелился наверху. Храп сменился коротким

Краткая летопись Барнаула

11. БОЙ С РАЗРУХОЙ...

Продукция сибирской промышленности в 1920 г. составляла 24,8 процента к уровню 1912 г.

В 1920 г. в Барнауле были национализированы крупные предприятия, в 1921 г. — все остальные.

1 мая 1920 г. состоялся первый коммунистический субботник. В нем участвовало 25 тысяч человек.

В 1921 г. восстановлен лесопильный завод.

В 1923 г. завод «Молот и серп» выпустил первую партию молочного инвентаря. Дала ток Барнаульская ЦЭС. 17 декабря 1924 г. в газете «Красный Алтай» сообщалось: «Электростанцией в скором времени предполагается установить подачу электроэнергии до утра...»

В 1925 г. зарплата рабочих повысилась в среднем на 18 процентов. Для них было построено 20 жилых домов. К концу года выпуск валовой продукции промышленности Барнаула достиг довоенного уровня.

охающим зевком. Потом послышался полусонный голос, скрипучий и хриплый:

— Кого надо? —
Ползунов ответил.

— А-а, Прихожевых, стал быть! Были да вышли. Вчера вечером весь скот угнали. А ты кто будешь, мил-человек? А ну, взгляну-ка с высоты!

Зашумело, задвигалось пересохшее, ломкое сено. Сверху упал человек, но мгновенно вскочил на ноги, стряхивая сенную труху.

— Здоров бывай, барин! Я тебя сразу же по голосу распознал, но подумал, может, ты не один. В моем деле осторожность да выдержка надобны.

Ползунов стоял недвижим. То, что сейчас увидел и услышал, казалось сном или ошеломляющим видением. Перед ним стоял Селезень.

Ползунов смутно угадывал какую-то связь между появлением Селезня и побегом секретных колодников, о чем ему вчера при короткой встрече поведал Илья Хлопин. Но почему он здесь? «Работный люд бежит с рудников и заводов, чтобы укрыться в потаенной, недоступной глухомани. Появление же Селезня поблизости Барнаульского завода — сущая дерзость и безрассудство...»

Угадав думы Ползунова, Селезень вразумительно пояснил:

— Кто дальше и скопом убегает, того быстрее ловят, барин. Вот я и решил попытать счастье в одиночку. Казачьи разъезды рыскают вдали от заводов и рудников. Им в голову не придет, что беглый колодник шастает под самым носом Христиани.

Селезень закатился затяжным ухающим кашлем. Да так, что слезы выкатились из покрасневших глаз. Когда утихомирился кашель, с тревогой спросил:

— Не выдашь, барин, а?

Ползунов посмотрел на него недоуменно. Вместо ответа спросил:

— Кто-нибудь тебя здесь видел?

— Никто, кроме дочки Прихожева.

— Знает ли она, откуда ты?

— Нет. Я сказал, что рыбачу на протоке и попросил взаймы кое-какого провианта. Набила мне целую сумку.

— Не приглядывалась ли, как одет, чем притетен?

— Нет. Только вот про это спросила.

Селезень указал на расплывчатое чернотине клеймо на лбу, натертное порохом. Внутри неровного круга неотчетливо проступали начальные буквы Змеевского рудника «З. Р.»

— Сказал, что это следы ушиба при падении в шахте рудника, когда выполнял отра-

ботки. Такой же указной знак, барин, имеется на моей левой руке ниже локтя. Там буквы пояснее видеть, зато не на виду, под рукавом.

— Ты должен знать, с какими подробностями расписываются в указах приметы беглых. Поймают, заставят тебя снять рубаху и увидят.

— Пошто, барин, не спрашиваешь, как я сумел бежать с рудника?

— Для чего мне то? Убежал — это одно. А вот как после того на воле остаться — другое. Поймают тебя — не увидишь больше света белого, земной благодати. Понимаешь?

— Понимаю, барин, очень хорошо даже, да вот пока еще не надумал умом своим, как надолго склониться отластей... Все ж таки скажу тебе, барин, как я убег. Не через убийство кого-либо, а через великое терпение и хитрость. Нас несколько таких было, что ножные и ручные железы не один месяц об острые каменные выступы втихомолку шоркали. Пока не tolще бумажного листика в тех железах звено сделалось. А тут счастливый случай привалил — в наружные работы ночью выгнали. Темень — в двух шагах непроглядно. Тряхнул я железом и легкость непривычную в руках и ногах ощутил, беги — никто не догонит. А стражникам совсем невдомек, что я свободен, — другие-то колодники погромыхивают своими железами. Всех нас было человек около ста, кое-кто еще — знал я это — бежать вознамерился. За рудные сараи мимо стражников на брюхе-уполз. Там лошадь стояла. Неоседланная. К рассвету верст сорок отмерял. Лошадь бросил и пихтаками стал пробираться. Побегами черемши питался, провонял ею насквозь. Потом в крайние избы деревень остроожно стал заглядывать. Хоть и не в полном достатке, но все же добывал провиант. Мир не без добрых людей. Так вот и добрался до здешних мест...

Ползунов стоял в раскрытых дверях, щурясь от бокового света. В рассказе Селезня он не услышал ни горделивого бахвальства удалью, ни плаксивого сетования на судьбу. «Видно, только сильные духом люди могут говорить обо всем одинаково ровно. У Селезня выходит так, будто не в подземных потайниках, а в гостях у незнакомых людей побывал и, возвращаясь домой, малость сбился с дороги. Таким людям по плечу самые тяжелые испытания. Как же и чем помочь Селезню? Справедливость обязывает меня к тому. Ради нее можно поступиться служебным долгом, пойти против присяги...»

— Вот что, Селезень, я уезжаю сию же минуту обратно. Пойдем на берег, отдам тебе свой провиант. Ты же останешься здесь. При-

хожевы скоро сюда не вернутся, коли угнали скот. Будь осторожен! Днем прячься на сено-вале, оттуда можно видеть далеко. Что-нибудь постараюсь придумать для тебя. Жди в воскресенье поутру.

На берегу протоки, прощаясь, Ползунов передал Селезню полоску холстины.

— Будешь выходить куда днем, перевяжи лицо так, чтобы знак на лбу закрыть.

Обнимая Ползунова, Селезень почувствовал, как неровно дрожит голос:

— Ты, барин, прости меня, истукана, что давеча в вопросе к тебе сомнение высказал.

Долго и мучительно думал Ползунов над тем, как помочь Селезню. Время шло, близилось воскресенье, а в его голове не рождалось спасительных планов. С кем-либо советоваться Ползунов считал рискованным. Даже Илье Хлопину не сказал слова, хотя знал — Илья скорее сам пойдет в змеевские потайники, чем выдаст чужую тайну. Ведь история с Селезнем могла обернуться по-всякому. Впутать в нее Хлопина означало поставить на карту его благополучие, служебное и семейное. Яков Беэр и вовсе ни по каким статьям не подходил в единомышленники.

На службе Ползунов стал сдержаннее в разговорах, озабоченнее. Не зная истинных причин такого поведения, Яков донимал назойливыми поучениями:

— Эх, Иван, Иван! Побывал в гостях у того хана Абака и сделался как лист в знойное бездожье. Сник и в трубочку свернулся. Ни на лице, ни в душе ничего не узнать! Сколько раз вразумлял тебя — никогда не тяни носом против ветра! Дались тебе эти перевозки рудвой!

Мысль, которую долго и мучительно искал Ползунов, осенила совсем внезапно. Как-то нечаянно глаз остановил внимание на листе добротной гербовой бумаги. На такой обычно писали документы поважнее и подолговечнее. «Пожалуй, единственное, чем могу помочь Селезню. Правда, не без риска, но иного способа не вижу. Зато один буду замешан в истории. А одного всегда труднее уличить в чем-либо...»

Несколько ночей подряд в квартире Ползунова почти напролет горели свечи. Хозяин вроде колдовал. Низко склоняясь над столом, длинным и тонким острием ножа глубоко ковырял углубления в свинцовом кружке. Потом по нему выбирал канавки, тщательно зачищал. Так на кружке пролегли буквы, получилась печать. Ползунов смазал ее стойкими чернилами, приложил к обрывку бумаги. С нее глянул отчетливый оттиск — белые буквы на черном фоне — «Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства». Точь-в-точь такой, каким скрепляли строго деловые бумаги. Сейчас рядом не хватало лишь размашистой и с наклоном вправо подписи: «А. Беэр».

Быть может, в тысячный раз Ползунов по памяти выводил хорошо знакомую подпись. Она вроде удавалась. На своих местах стояли росчерки и закругления. Жирные нажимы плавно и без видимой фальши переходили в тонюсенькие линии-волоски.

Предстояло самое трудное. Почек Ползунова знали многие, в том числе те, в чьи руки мог волею случая попасть документ. Нужно было изменить его так, чтобы самый строгий канцелярский придира не заметил бы сходства. Начертание отдельных букв, совершенно не похожих на ползуновские, удавалось поч-

Краткая летопись Барнаула

БОЙ С ГОЛОДОМ

20 июня 1920 г. в Сибири введена продразверстка. Доля Алтайской губернии составила 31 млн. пудов хлеба — треть сибирского задания. На проработку было направлено более 500 коммунистов, значительная часть их — из Барнаула.

26 ноября 1920 г. с агитпоездом «Октябрьская революция» в Барнаул прибыл Председатель ВЦИК М. И. Калинин. Он выступил с докладом в Народном доме о продовольственном положении страны и необходимости усиления темпов продразверстки.

В июле 1921 г. создана губернская комиссия помощи голодающим Поволжья, а также уездные, волостные, городские, сельские комиссии. Повсеместно начался сбор средств.

18 сентября 1921 г. состоялся общегородской воскресник в пользу голодающих Поволжья.

В июне 1922 г. в губернию прибыло 6 тысяч детей из Поволжья.

ти безукоризненно. Однако стоило их связать в цепочку, в одно слово, как нарушалось однобразие письма. Рядом с ровными и округлыми соседствовали вытянутые и острые, с зазубринами буквы. Неровными и неодинаковыми были наклон букв и высота строк. Это тоже не годилось: могло вызвать подозрения.

После долгих проб Ползунов избрал наконец округлое написание букв, без наклона. Такое письмо выглядело натуральнее. В ночь перед воскресеньем на гербовую бумагу легли строки спасительного документа — отпускного билета. Он выдавался тем, кто по болезни или старости признавался непригодным к горнозаводским работам. Мастеровые и работные люди эту заветную бумагу во сне видывали: с нею обреталось право на вольное поселение. Живи, где хочется! Занимайся, чем угодно: землю ковыряй, рыбу лови, зверя бей! И никаких, считай, над тобой начальников. Правда, билет настрого предписывал отпускникам «...никого не обижать, ссор и драк не начинать, содержать себя в чистоте, бороду брить, платье носить немецкое, по миру и рынкам не шататься, милостыни не просить...»

Ползунов прочитал написанное, улыбнулся. Слишком невесомым показалось назидание, исходившее от лица начальства: вряд ли какой отпускник желанную волю предпочел бы вредному задирательству или чему другому, прописанному в билете.

Селезень сидел на берегу протоки. Темная полоска на воде — тень от удилища стала совсем коротенькой. Был полдень, а Ползунов не появлялся. Селезень невидящими глазами смотрел на воду и совсем, казалось, не замечал, что лесу отнесло течением. В другое время сразу догадался бы, что окунь или щука в жаждной поклевке оторвали крючок вместе с грузилом.

«Почему же так долго нет его?..» Тревожный вопрос возникал все чаще и чаще. От невозможности точно ответить на него Селезня охватило смятение. Он мысленно старался найти причины задержки Ползунова, но ни в одной из них не утверждался. Однако при всем этом у Селезня и отдаленно не мелькнула мысль, что Ползунов не сдержит своего слова. Случись такое — и у Селезня навсегда утратилась бы вера в человека и в смысл самой жизни.

Лодка неожиданно вынырнула из-за берегового мыса. Она шла против течения. Вскоре лодка с шорохом и скрежетом причалила к берегу. Ползунов передал Селезню груз.

— Извелся, поди-ка, ожидаючи?

Селезень ответил как можно спокойнее и увереннее:

— Зачем же так-то? Очень понимаю: раз задержка выходит — значит, не без причин. За то, барин, спасибо, что слова не нарушил, приехал.

Без излишних рассуждений Ползунов перешел на деловой тон в разговоре:

— Бери. Это отпускной билет. Обозначено в нем, что увольняется от работ по причине непригодности из-за застарелой болезни поясницы и ног Илья Семенов сын Крохалев, от роду сорока двух лет. Кто тебе билет дал — не должен говорить никому.

— Не скажу, барин, будь спокоен! Под самыми страшными пытками не скажу!

— Из этого пузырька не раз плеснешь на клеймо, разотрешь до боли и покраснения кожи, снова плеснешь, приложишь кусок сырого мяса, холстиной завяжешь. Постепенно порох вытянет из кожи, останется красное пятно, как от ожога. Возьми мясо, храни его в сырой прохладной земле или песке, чтобы не испортилось. В узелке одежда, какая полагается, и бритва. Зеркала — нет. В спокойную воду смотрись. Провианту тебе на неделю и половину денег на всякий случай. Понял?

— Понял, барин!.. Спасибо тебе! Кто другой разве сделал бы для меня такое? Ежели случай подвернется для тебя что сделать — головы не пожалею!

Лицо Селезня посветлело от широкой улыбки. Нельзя было не поверить его искренности. Ползунов положил руку ему на плечо:

— Душа твоя — клад! От того и пекусь, чтобы не погибла понапрасну. Слушай дальше. Немедля надлежит тебе пойти в верховья Чарыша. Места там обильные и укромные. Осядешь где-нибудь на жительство. Протянемши года три—четыре, дальше видно будет. Не ровен час, за это время, может, повстречаемся. Ну, с богом и с удачей тебя! Мне пора в обратную.

— Постой, барин, — остановил его Селезень. — Одно разрешение попрошу у тебя — позволь задержаться здесь на несколько дней.

— Зачем это?

— Долг с меня причитается.

— Кому?

— Самому Христиани!

Поняв, куда клонит Селезень, Ползунов сухо и строго отрезал:

— Не вздумай глупости творить! Не разрешаю!

— Что ж, быть так, как ты велишь, барин! Не могу ослушничать. Ну, прощевай!..

Лодку, не подгоняя веслами, медленно несло течением. Изредка ее прибивало к берегу или на мель. Тогда Ползунов брался за

весла, долго еще чувствуя боль в правой руке, — так крепко стиснул ее Селезень на прощанье.

Как-то Илья Хлопин заглянул в гиттеншнейберскую после обеденного раздыха. Такого раньше не случалось. Немое оцепенение сковало Ползунова. Илья, как ни в чем не было, шумно поздоровался и тотчас выразил удовлетворение отсутствием Якова Беэра, который принимал руду в заводском дворе.

— У меня сегодняшний день — сплошные удачи! Первая та, что до ухода на службу побывал на Оби и с переметной снасти снял полупудового осетра. Вторая и, думаю, не последняя — тебя застал в полном одиночестве. Идучи сюда, того желал больше всего.

— Ты, Илья, одни загадки задаешь. И сейчас в толк не возьму, к чему клонишь в пространных словах.

— Совсем без загадок, а с добрыми вестями к тебе. Иного времени, как сейчас, не имею. А вести такие, что не сказать тебе терпения нет!

— Коли так, чего тянешь, безвестностью душу прожигаешь?

— Вот про это ты зря. Нельзя же прямо с порога брякнуть то, с чем пришел. А теперь слушай! Сегодня сам Беэр подмахнул указ из канцелярии комиссарскому правлению о списании в расход со всех учетов подзорной трубы. Пятнадцать рублей с тебя долой!.. Ну, каково? Выходит, не мимо ушей твоих такая весточка. А вторая и подавно!

Единственный раз за весь летний день в гиттеншнейберскую заглянуло солнце, минуя угол фабрики и рудные кучи. Светели, теплились легким дымком стены, набухшие от сырости. Обычно в такой миг Ползунов улыбался, мягко щурял глаза, радуясь солнцу. Сегодня же само солнце не тронуло его лица. Он смотрел на друга широко раскрытыми и немигающими глазами вопросительно и недоверчиво, бессильный угадать, о чём пойдет разговор. Солнце высвечивало сияющее лицо Хлопина.

— Поздравить тебя, Иван, надо! Дай же руку! Вот так!

В голосе Хлопина затрепетали торжественные нотки. Ползунов вспомнил, что так не раз говорили с церковного амвона отец Василий и другие священнослужители.

— Отныне и вовеки нет гиттеншнейбера Ивана Ползунова! Естьunterшихтмейстер Ползунов! Да, даunterшихтмейстер!

Ползунов не успел сообразить, шутка или правда коснулась его ушей, как оказался оторванным от земли в крепких объятиях друга. Освобождаясь, бросил упрек:

— Все-таки не годится так, Илья! Наверняка раньше знал, что такое затевалось.

— Знал, что ты и Яков Беэр представлены к новому чину. А вдруг представление начальства в Петербурге не уважили бы? Излишние переживания для тебя совсем не нужны. Теперь все на месте! Мое время вышло, Иван. До свидания...

На другой день обоих гиттеншнейбера вызвали в канцелярию. Генерал Беэр в парадной

Краткая летопись Барнаула

...С ВЕКОВОЙ ТЕМНОТОЙ

3 марта 1920 г. издан приказ губревкома о ликвидации неграмотности среди взрослого населения Барнаула. Школы и пункты ликбеза были открыты на каждом предприятии, учреждении. К 1926 г. процент грамотности в городе поднялся до 58,2.

16 марта 1920 г. открыты курсы красных учителей.

В апреле 1920 г. в Барнауле работали 33 начальных школы. В них обучалось 2000 детей. На десятерых был один учебник.

17 августа 1921 г. открылся рабфак от Томского госуниверситета. В первый год на нем училось 155 человек, из них 62 рабочих, 83 крестьянина.

1 октября 1921 г. начались занятия в педагогическом техникуме.

27 ноября 1921 г. спектаклем «Трильби» начал работу государственный театр драмы.

В 1922 г. объединение барнаульских писателей «ЛИТО» выпустило сборник рассказов и стихов «Сноп», передав весь гонорар в пользу голодающих Поволжья. В «ЛИТО» начинали творческую деятельность А. А. Караваева, А. Л. Коптелов, Г. М. Пушкиров, И. А. Мухачев. В разное время в Барнауле работали И. И. Тачалов, А. С. Новиков-Прибой, Е. Н. Пермитин, С. П. Залыгин и др.

форме выглядел торжественным, нарядным. Сам зачитал указ кабинета ея величества. Христиани, другие канцелярские начальники вместе с гиттеншрейберами стояли навытяжку, не шелохнувшись. Беэр читал умышленно медленно и торжественно, делая ударения на словах указа: «за радение, любознательность и непорочность в службе... за уповательные надежды в оном на предбудущие времена... наградитьunterшихтмейстерскими чинами и жалованьем против гиттеншрейберского двадцатичетырехрублевого по тридцати шести рублей в год...»

Генерал Беэр заключил собственными словами:

— Помните, господаunterшихтмейстеры, впереди вас ожидает низший чин горного офицера-шихтмейстера со всеми привилегиями. Успеха вам в службе!

Генерал пожал руки вновь произведенным. Сейчас Ползунов впервые разглядел высокого начальника по-настоящему. Подметил полноту лица, болезненную до одутловатости, набрякшие мешки под глазами. «Видно, вся сила генерала во власти, данной ему...»

Потом приводили к присяге. Ползунова — в церкви Петра и Павла, Якова Беэра — у лютеранского пастора.

Торжественно-напыщенное посвящение вunterшихтмейстеры чем-то напоминало напутствие перед дальней дорогой с неведомыми трудностями. И идти по ней следовало только вперед и прямо. Шаг назад мог стоить больших и непредвиденных неприятностей. От этих мыслей на душе становилось тревожно и холодно.

Первые дни ничего не менялось в положении вчерашних гиттеншрейберов. Те же записи, отупляющие мозг, с утра до вечера. Та же неуютная гиттеншрейберская. Через некоторое время, однако, стало известно, что Яков Беэр поедет на Змеевский рудник для прохождения практики горного дела. Предстоящая поездка мало радowała его.

— Как же получается? Писали рапорт вдвоем, скрепляли двумя подписями, а ты, Иван, остаешься при гиттеншрейберских записках. Не годится так-то!

Ползунов молча и неопределенно пожал плечами. На душе скверно-прескверно, вроде бы кто незаслуженно обделил его. Он прекрасно знал, что Яков Беэр совсем не дерзал в горном деле, служил предметом постоянных замечаний и нападок Христиани по службе. И вот итог: Якову долгожданное назначение, одному ему! Конечно, нет у Ползунова такой высокой руки — сам генерал Беэр, шутка ска-

зать! Но от этой мысли не было облегчения. Наоборот, еще темнее становилось на душе. Выходит, не идут в засчет ни прилежание, ни старания, ни дерзания Ползунова.

— А хочешь, Иван, я не поеду без тебя! Вместе просились, вместе и поедем!

Ползунов горько и молча усмехнулся:

— Как же это так?

— А вот увидишь! Сказал, значит, сделаю...

Поздним вечером черной, бесшумной тенью в гиттеншрейберскую вошел Христиани, как обычно, сухо поздоровался. Но не сел, однако, на стул и не стал проверять записи в журналах. Это свидетельствовало о скоропалительности визита.

— Unterшихтмейстер Яков Беэр, завтра утром сдайте ваши записи начальнику комиссарского правления. Он же примет от вас наличие руд и припасов. После того зайдете в канцелярию и получите предписание начальнику Змеевской рудной конторы Эйсфельту о прохождении вами обучения практике горного дела. Срок будет определяться вашими успехами.

Христиани смолк. Воцарилась тишина. И чем дольше продолжалась она, тем становилась тягостнее. Христиани полагал услышать что-нибудь в ответ. Постепенно его лицо вытягивалось от удивления. Он не слышал слов благодарности, частых и восторженных. Яков Беэр упорно молчал. Лишь выражение его лица выдавало, что он усиленно подбирает нужные слова.

Христиани резко повернулся, направляясь к двери.

Тогда Яков Беэр, словно спохватившись, остановил его:

— Высокородный господин асессор! Благодарствую за назначение. Но почему unterшихтмейстер Ползунов оставлен при прежней должности? Изъявляли желание ехать вдвоем. Еду же я один.

Ползунов заметил, как передернулся Христиани. На его лице появилось смешанное выражение гнева и злой иронии. Он не сказал, а прохрипел в ответ слова, от которых сразу же убавился наступательный порыв Якова Беэра:

— Будь моя воля, я вас не послал бы совсем!

И тотчас вышел. Так хлопнул дверью, что от стены гиттеншрейберской отлетел кусок штукатурки, часто замигал настольный фонарь. Яков Беэр весь как-то съежился, словно в ожидании неминуемого удара.

Ползунов испытывал сейчас смешанное чувство жалости и удовлетворения. Ведь только что Христиани не назвал вместо Якова

Беэра имени Ползунова. Это ободряло. И вместе с тем на Змеевский рудник поедет все-таки не он, Ползунов, а Яков Беэр.

— Слышишь, Яков, а ты ведь так и не сказал Христиани, что не поедешь один... Ну да ладно, успокойся! Начальству виднее, кому ехать, а кому оставаться и торчать здесь. Завтра я тебя могу не увидеть, а если и заишь сюда, то с Аболтиным. Давай лучше попрощаемся сегодня, без свидетелей! А..

Немного дней спустя Христиани вызвал к себе в кабинет Ползунова. Сухо, но вежливо усадил в кресло:

— Садитесь, унтершихтмейстер. Вот сюда, поближе!

Христиани продолжал стоять, выказывая тем уважение к собеседнику. Заметив это, Ползунов вскочил было на ноги. Христиани с неудовольствием махнул рукой:

— Ну что там еще! Сидите, коли вас посадили!

Сосредоточенное выражение лица Христиани показывало Ползунову, что предстоит важный разговор. Но мог ли он предполагать, что асессор начнет с таких лестных для него слов:

— Дошла и до вас очередь, унтершихтмейстер, покинуть Барнаульский завод. Скажу откровенно — жаль отпускать такого человека, как вы. Ничего не поделаешь!

Христиани на мгновение прервался, затем торжественно, с подъемом произнес одно слово:

— Служба-с! — И продолжил после красноречивой паузы. — Человек с вашим прилежанием и способностями нужен в другом важном для нас месте. Туда не пошлешь Якова Беэра или кого другого, кроме вас!

Ползунов чувствовал, как лицо и шею обжигала горячая краска.

— Вы, видимо, догадываетесь, о чем пойдет речь. — Христиани словно не замечал, какое воздействие оказывает разговор на Ползунова. — Вы подали мысль о перевозках руд водой. Ездили на розыски подъездных путей от рудников к пристаням. Вам и надлежит сейчас возглавить строительство пристаней, чтобы без помешательства обеспечить рудные плавки на заводах. Ну как?

Христиани смолк, ожидая ответа. Его предложение льстило Ползунову. Приняв его, Ползунов становился самостоятельным начальником, присяжным человеком. К черту канцелярию! Не нужно больше корпеть над гиттеншрейберскими записками, быть на положении чуть ли не мальчика на побегушках.

— Я согласен, высокородный господин асессор.

— Хорошо! Я не ожидал от вас иного ответа.

Христиани достал из стола тетрадь, испанную мелким, убористым почерком.

— Прежде хорошо изучите инструкцию. И немедля — в путь.

Склонением головы Христиани дал понять, что аудиенция закончена, а со всеми вопросами можно обратиться к нему дополнительно, лишь подробно ознакомившись с инструкцией.

После сдачи гиттеншрейберских записок Ползунову два дня отводилось на изучение инструкции, получение необходимых припасов, провианта. Предстояло ехать туда, где весной он наметил построить селения. Наперво — ниже уроцища Красный Яр, на Чарыше, построить пристань, которая получит название

Краткая летопись Барнаула

12. ГЕРОИКА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В 1928 г. построен канифольно-терпентинный завод. Уже в 1930 г. он стал одним из главных в стране поставщиков канифоли и терпентинного масла, покупавшихся до этого за границей.

Вступил в строй завод металлоширпотреба.

В 1929 г. на базе железнодорожных мастерских создан вагоноремонтный завод.

В августе 1930 г. открыто педагогическое училище.

В 1933 г. открыт учительский институт, первое на Алтае высшее учебное заведение [с 1941 г. — педагогический институт].

21 июля 1932 г. состоялась торжественная закладка первой очереди меланжевого комбината. Строительство его стало всенародным. Только за 20 месяцев трудающиеся города отработали здесь 28500 человеко-дней. 6 августа 1934 г. вступила в строй прядильная фабрика, 1 сентября — ткацкая. В этот день лучшая ткачиха комсомолка Аня Яковлева сняла со станка первый рулон ткани, выполнив три дневных нормы.

Красноярской. Инструкция определяла Ползунову получить в комиссарском правлении судно или шербот, со всеми снастями и парусом к нему и плыть на место. К управлению рулем судна назначался барнаульский плотник Петр Бадын, гребцами — шесть солдат местной воинской команды. Предписывалось ехать Ползунову до деревни Усть-Локтевки. Там команда дожидалась генерала Беэра, который ехал для освидетельствования новых мест. Затем путешествие надлежало продолжить на обывательской лодке.

В инструкции Ползунов познакомился с широким кругом обязанностей, которые возлагались на него. Основные из них были: записи о приеме руд, судовое хозяйство, откомандирование больных, неспособных к службе работников, постройка новых судов, снабжение команды всем необходимым, денежные расчеты, руководство сплавом груженых судов, разбор и определения по мелким преступлениям подчиненных...

Да мало ли дел, непредвиденных и не встречавшихся ранее, предстояло теперь решать Ползунову?

Ползунова захлестнули повседневные заботы присяжного человека. На новом неожиданном месте пришлось сначала заняться и вовсе непривычным делом: строить жилье для себя и команды, для крестьян, приписанных на поселение при Красноярской пристани, а также суда и рудные сараи, пристанские строения и казенные светлицы.

Все лето Ползунов прожил в палатке. Днем и ночью около нее стоял усиленный караул. Ползунову часто приходилось рассчитываться за работу и припасы, привезенные крестьянами. Для того требовалась разменная монета. Две бочки, наполненные ею, стояли опечатанными в палатке. Караул состоял из четырех солдат. Каждый из них, прежде чем стать на пост, принимал клятвенное обещание. Во время несения службы солдатам настрого запрещалось разговаривать, приближаться друг к другу. Все было предусмотрено, чтобы у солдат не появилось дерзкого соблазна, чтобы они службу несли беспорочно и исправно.

Дни у Ползунова так заполнялись делами, что не оставалось ни минуты свободного времени. Стоило чуть отвлечься, хоть даже мысленно, как тотчас неслись слова докладов:

— Ваш благородие! Куда прикажете сваливать привезенный лес?

— Ваш благородие! Бийские крестьяне привезли провиант!

— Ваш благородие! Какой крутизна гнуть носовые шпангоуты для судов?

Вопросов, на которые необходимо было дать ответы немедленно, за день набегало не один десяток.

Поздней осенью Ползунов вселился в готовый дом. Он состоял из обширной горницы, отделенной перегородкой от черной избы, служившей кухней. Восемь окон со ставнями располагались так, что солнце, пока светило, не уходило из дома. Печей в доме имелось две: простая и голландская с жестяной дверцей на петлях и железной вышкой в трубе. Внутри дома навешены семь дверей, во дворе — три. С северной стороны к дому приложены просторные сени и чулан или кладовая.

Деревни на Чарыше являлись пограничными. Ползунов построил на Красноярской пристани караульную избу и сарай из необмазанного плетня. Сооружения, рассчитанные не на длительную оборону. Тем не менее Ползунов полагал, что с их помощью удастся сдержать неприятеля в несколько раз большего по числу, чем гарнизон пристани.

Помимо строительства и множества хозяйственных дел, Ползунову поручалось управление подчиненными людьми, поддержание должного порядка среди них. Поэтому он першил суд над виновными и наказывал их. И делал это с великими колебаниями души: за каждым его действием в надежде на справедливость внимательно смотрели живые люди.

По неопытности Ползунову приходилось много думать над выбором правильного решения по тому или иному проступку. Он долго вчитывался в корявые строки жалоб, вызывал истцов, ответчиков, свидетелей, с каждого отбирал письменные объяснения под страхом клятвенных обещаний.

А дела попадались всякие: и сложные, и немудрящие, заставляющие то удивляться, то гневаться, порой даже смешные — словом, самые разнообразные житейские дела.

...Пятеро крестьян поставлены были возить с лесосеки лес на строительство пристани. Снег в ту зиму выпал рано, глубокий и плотный. Крестьяне ехали до лесосеки намного дольше обычного. У них прежде времени закончился провиант. Евсей Бугров, веселый и здоровый мужик, стал подшучивать над товарищами:

— А что, Андрюха, поел бы ты сейчас добрый говядины, истущенной в масле, с ситным хлебом и запил бы кваском! А?..

— Тебе, Иван, как я погляжу, самое по вкусу гусь жареный с гречневой кашей.

Вначале товарищи слушали Евсея молча. Потом, когда тот начал досаждать, зло призынули:

— Перестань душу изводить! Без тебя тошно! Слышишь?

Вечером Андрей Загородников увидел, как Евсей Бугров тайком раскрыл сумку, извлек харч и съел. После того, как ни в чем не было, подошел к работавшим товарищам и принял снова травить рассказами о вкусной пище. Андрей Загородников обрезал Евсея:

— Перестань! Сытый голодному не товарищ. Лучше поделился бы харчом.

Евсей вспыхнул:

— Чем делиться-то! Сам опояску на животе, как супонь на хомуте, затянул! — И совсем миролюбиво добавил: — Время уже идти на ночлег.

Пошли в землянку, разожгли печь, занимавшую половину ее. Евсей затеял снова разговор:

— Вот бы хмельного сейчас испить! Землянка сразу в царский терем превратилась бы. Эх, да где наша не пропадала! Давай сюды ко мне, ребята!

Евсей достал из сумки объемистый глиняный кувшин с узким горлышком.

— Смотри-ка, он не шутит, взаправду!

Андрей Загородников первым протянул руку с жестяной кружкой. Убрал ее, когда бульканье стало глухим. Выпил единственным махом, растирая рукавом губы. Потом каждый по очереди.

— От-то здорово Евсей сделал!

— Зажгло, вроде бы потроха на печку вывернули!

— Вот хорошо бы сейчас какого-нибудь харчу пропустить!

Евсей тотчас и участливо отозвался:

— А что, можно попытаться! У меня ружыньшко есть. Пока не совсем темно. Я, братцы, мигом вернусь. Огонь в печи держите!

Минут через тридцать вернулся Евсей, довольный и улыбающийся, с двумя свежими лытками в руках. Весело сказал:

— Ну, вот и мясо! Давайте-ка на угли посадим! Вначале посолим малость! Молодая коза, пальчики оближешь!

Теперь пили смелее и заедали непрожаренным мясом. Ели с жадностью. В землянке стоял хруст костей, громкое чавканье. Все наперебой хвалили Евсея:

— Ну ж удружила, Евсеюшка!

— Как Христос, одной просвиroy накормил толпу страждущих!

— Сто грехов тебе отпустится, Евсеюшка!

— Шутка ли: от голода спас, души хмельным развеселил!

Легли спать далеко за полночь. На другое утро проснулись поздно. Головы болели от выпитого с вечеру. В обратный путь собирались с неохотой и медленно. Каждый сейчас думал о том, как быстрее избавиться от хмельного угаря. Первым выехал на узкую дорогу Андрей Загородников. Не успел отъехать и десяти саженей, как остановил лошадей: «Тпру-у!».

Мужики заворчали. В глухих, скрипучих голосах слышалось недовольство.

— Чего там еще? — спрашивали они у проходящего в конец обоза Андрея.

— Как же так я про Шайтан позабыл! Шайтан! Шайтан! Иди сюда!

Краткая летопись Барнаула

В 1935 г. вступила в строй обувная фабрика.

1 октября 1935 г. ткачиха меланжевого комбината Александра Козлова перешла работать с 8 станков на 24, положив начало стахановскому движению на Алтае.

Уже к 1 ноября 1935 года в Барнауле насчитывалось 458 стахановцев и 15 тысяч ударников. В 1940 г. более 40 процентов рабочих города были стахановцами.

28 сентября 1937 г. Барнаул стал центром вновь образованного Алтайского края.

12 декабря 1937 г. состоялись первые после принятия новой Конституции выборы в Верховный Совет СССР. От Барнаульского городского избирательного округа была избрана лучшая стахановка меланжевого комбината комсомолка Е. А. Рудакова.

В 1940 г. организовано Алтайское отделение Союза художников РСФСР.

К концу 1940 г. выпуск промышленной продукции в Барнауле в 40 раз превышал уровень производства предоктябрьского периода.

На 1 января 1941 г. в Барнауле проживало 172180 человек, из них в промышленности было занято 24300 человек.

Продолжение летописи на стр. 65.

— Поехали! Чего раскричался! Не придет твой Шайтан, — пояснил Евсей.

— А тебе кто такую весть принес?

Усмехаясь в бороду, Евсей передразнил:

— Кто-кто!.. А кто вчера от пузза мясо ел? Ты наперво! Так вот вчера и съели задок твоего Шайтана! И никто не подавился! Понял? Остаток Шайтана в шкуре на съедение волкам да лисам в лесу валяется.

Мужики переглянулись. Каждому из них сейчас показалось, что изо рта несет псиной. Однако драться Андрею с Евсеем они не позволили. Сядь на бревна, Андрей со злостью в голосе сказал:

— Не думай, что так оставлю твою шутку!

Ползунов допрашивал Андрея Загородникова:

— Как же вы не узнали, что ели собаку? Видать, пьяны были?

— Точно, ваш благородье, выпивши были в немалой мере! Как говорят, водка из человека двенадцать болезней выгоняет, а тринадцатую — душу!.. Э-эх, Шайтан, Шайтан!

— Чем же твой пес отличался от других собак, коли ты так убиваешься по нему?

— Как же, ваш благородье, такого пса не пожалеешь? Весной, когда шабаш от заводских работ выпадал, с Шайтаном медведя из берлоги подымал или на завертах подстерегал. Шайтан, царство ему небесное, работный пес был. Медведя за штаны уцепит, а я тем мигом рогатиной или из ружья его, когда заряды были! Через то имел в немалом достатке пропитание мясом. Обидел меня, ваш благородье, Евсей — и крепко!

— Правду говоришь ты? Может, цену набиваешь Шайтану?

— Истин крест! Сущую правду говорю! — Загородников широко перекрестился, пытаясь стать на колени.

— Перестань! Тебе здесь не церковь! Кто может подтвердить твои слова о Шайтане?

— Вся деревня, ваш благородье! Прохор Наседкин, Иван Звягин, Зот Поднебесный!

— Ладно, ступай!..

По делу о съеденном псе Ползунов вынес определение: крестьянина Евсея Бугрова подвергнуть наказанию — двадцать пять плетей. Да еще взыскать с него в пользу потерпевшего три рубля денег. Жители Красноярской пристани одобрительно отзовались на приговор:

— Поделом ему!

— Не будет насмешничать!..

Весна в тот год выдалась дружная. Быстро лысили прибрежные крутолобые яры. В логах неумолчно и бурно звенели ручьи, торопливо сбегали в Чарыш. В самой малой скоро-

сти снег растаял на открытых местах и оставался лишь в глубоких логах да в тени приречных кустарников. В небе все чаще плыли караваны перелетных птиц, оглашая криками просыпавшуюся землю. Лед на Чарыше с треском выпирало.

Однажды ночью жителей Красноярской пристани разбудил грохот, похожий на взрыв. Поутру они поняли причину грохота. На речной зыби качались, поблескивали на солнце изломами прозрачные льдины. В тонком звоне слышалась таинственная радость весны.

Ползунов с нетерпением ждал конца ледохода. На трети сутки по реке поплыли остатки мелкого льда, или сала. Люди торопливо спускали на воду со стапелей коломенки, построенные за зиму, крепко швартовали их канатами к берегу. Не умолкая, от зари до зари, кипела работа на берегу. Время не ждало. Плотники наливали широкие трапы, как двум человекам разойтись, с нашивными ограждениями по бокам. Возчики сваливали последние возы с рудой в сараи.

За зиму Ползунов полностью обеспечил всем необходимым водные перевозки руд. Предстояло загружать коломенки рудой.

Какую же дневную норму установить для грузчиков? От рудных сараев до коломенок двадцать саженей. Сколько же можно сделать ходок от сараев к коломенкам с рудой весом в два с половиной пуда?.. Ползунов долго думал, подсчитывал. То у него выходило восемь, то десять ходок за час. Умножал на количество рабочих часов в сутки. Получались разные результаты, не удовлетворявшие Ползунова. Тогда он решил устроить опытный хронометраж. Работник в сарае засыпал мешки с рудой. Другой в течение часа носил и ссыпал из них руду в коломенку. В среднем работник сделал восемь ходок в час. «В первый час работник перенесет два с половиной пуда. Умноженные на восемь, они дадут двадцать пудов. Во второй — меньше, в третий — того меньше. За двенадцать часов работы, предположим, в среднем получится пятьдесят ходок. Дневная выработка грузчика составит сто двадцать пять пудов руды. Итак, норма сто пудов на день вполне посильна». Ползунов понимал, что однообразная работа утомляет человека и потому несколько снизил выработанную опытным путем норму.

Все коломенки сразу могли поднять пятьдесят тысяч пудов руды. «Таким образом, — думал Ползунов, — сто человек работников в состоянии загрузить имеющиеся в наличии коломенки за 7—10 дней».

Работа сначала не клепилась. От того, что под погрузкой стояли две коломенки, грузчики, успев ссыпать руду, встречались на трапе-

с другими, шедшими за тем же. Поневоле создавались пробки и простоя в работе. Тогда Ползунов приказал вырубить кусты на берегу Чарыша и построить причал еще для двух коломенок. Работа сразу же пошла дружнее и податливее. К исходу второго дня Ползунов подсчитал, что время, затраченное на устройство нового причала, компенсировано вдвое. Дня через три от пристани отчалил первый караван судов на Барнаульский завод.

Стояли погожие ночи. Щедро подсвечивала луна. Ползунов решил использовать благоприятное для погрузки время. Последовал его приказ увеличить рабочий день на два часа, а после, когда загрузят суда, уменьшить его на столько же и сделать десятичасовым.

Ранним утром Ползунов завтракал в своем доме. Завтрак был холостяцким и состоял из холодного жареного рябчика. Не успел Ползунов покончить с едой, как вошел целовальник Никифоров, из местных крестьян.

— Грузчики, ваш благородье, отказываются работать по четырнадцать часов в сутки! Сидят, сучьи дети, не робят!

— Как же это так! Договорились ведь!

— Так точно, отказываются, ваш благородье! Сказывают, нет резона на два часа в день больше работать, потому как вас могут завтра убрать, новый же начальник скажет: «Я ничего не знаю» — и заставит опять работать по четырнадцать часов в сутки. А воду мутят, ваше благородие, Спирька Ермаков да Васька Кочетов, приписаны к работам из Бийской крепости.

Ползунов порывисто вскочил с места, начал хватать обмундировку.

— А ну пошли, Никифоров! Да, вот что! Пока я одеваюсь, зайди к воинскому начальнику, чтобы выслал солдат при оружии.

С караваном судов по вешней воде Ползунов думал приплыть в Барнаульский завод. Первая ходка должна была показать начальству благополучие предприятия, в чем сам Ползунов никогда не сомневался. Были прямые основания к тому, что и на будущие времена не последует каких-либо осложнений или препятствий в перевозках водой. Запасов руд на пристани, считай, хватит на весь сезон. Ползунов в точности выполнил наказ Христиани о строительстве укреплений. Опоясал ими пристань по сушу. На караульных вышках денно и нощно дежурили солдаты. И теперь вдруг Ползунова обожгла мысль, что царство порядка, которое он так старательно создавал в течение зимы, зашаталось.

Уrudных сараев на берегу в тесные кучки сбились грузчики, засыпщики. Среди них шел сдержанный приглушенный разговор. Которые стояли на берегу, бросали каменные плитки в

воду. Те, ударяясь о поверхность воды, со звоном отскакивали. Сколько раз плитка коснеться воды, прежде чем утонуть, столько считалось «испечеными» блинами.

Появление Ползунова с солдатами вызвало растерянность среди работников. Одни поспешно хватали мешки с рудой, бежали к коломенкам, другие укрывались вrudных сараев. Ползунов сделал вид, что не замечает переполоха среди работников. Как ни в чем не бывало Ползунов с солдатами расселись самым мирным образом на круглый лес, оставшийся после строительства. Закурили, звали непринужденный разговор. Мало-помалу исчез переполох среди работников, и когда настало время малого роздыха, они стали прекращать работу, нисколько не подозревая об истинной цели появления Ползунова с солдатами. Громко, чтобы слышно всем, Ползунов крикнул:

— Подойдите ближе, работные! Слушайте меня неукоснительно! Робить будете впредь сегодня без трех малых роздыхов. За это время надлежит вам выполнить упущенную работу из-за вашего нерадения и лености, допущенных перед этим! Откуда такой слух пополз, что впредь будете робить по четырнадцать часов в сутки? Погрузим суда и будем робить шесть дней по десять часов в сутки! Об этом раньше договорились. Понятно?

— Оно как не понять, ваше благородие! Только по-всякому может обернуться. Возьмут вас, ваше благородие, да в другое место переведут. Кто тогда нам пересчет вести станет?

— А сказать по откровенности, ваше благородие, так чижело робить по четырнадцать часов. К концу дня шагаешь, как в крутую гору с непосильной ношей на плечах. Язык изо рта чуть не до пояса вываливается!

Ползунов обвел собравшихся изучающим взглядом. Словно выискивал, кто еще собирается говорить. Желающих не оказалось. Ясно, что на непослушание рабочих подбивали те самые Ермаков да Кочетов, только что выскавшие обиды. Сотни глаз смотрели на Ползунова, ожидая, что он скажет. От этих вопрошающих взглядов Ползунову делалось не по себе. Он долго молчал. «Лучше бы они гадели о чем-нибудь, просили или что-либо отрицали. Тогда было бы свободнее отказывать или уважить в просьбе. А так...»

Спокойно и неторопливо, словно по принуждению, заговорил Ползунов:

— Мыслю я, работные, что за ущерб, нанесенный интересу ея императорского величества, надлежит вам достойное наказание. Только на первый случай я оставлю вас впусте, кроме Ермакова и Кочетова, которые своими злонамеренными речами отвергли вас от рабо-

ты. Приказ мой таков: сегодня выработать выше против нормы!

По приказанию Ползунова Ермакова и Кочетова солдаты под ружьем увели на гауптвахту, которая размещалась в караульной избе.

— Слава тебе, господи! — широко перекрестился и с видимым облегчением вздохнул Филимонов. — Теперь, ваш благородье, точно говорю, что будут работать без лености и без оглядки!

Целовальник было сам принял таскать руду, чтобы подать пример работным.

— Не надо, — остановил его Ползунов. — У тебя дела поважнее есть. Каждый сверчок знай свой шесток!

Ползунов весь день неотрывно наблюдал за работой. Поощряемые одобрительными взглядами Ползунова, грузчики работали без малых роздыхов и азартно. Таскали по три, которые посильнее по четыре пуда руды. К семи часам вечера, полностью загружены, тяжело колыхались на воде две коломенки. Ползунов не скрывал торжества: дневная норма выполнена. Вскоре он бодро скомандовал:

— Кончай работу! На роздых до утра!

Ермакова с Кочетовым он на радостях решил не наказывать, а, подержав для острастки на гауптвахте еще ночь, утром же поставить на работу вместе со всеми.

Грузчики и засыпщики стали расходиться, как вдруг примчался верховой караульный солдат и доложил Ползунову:

— Ваш благородье! По приказу начальника гарнизона капрала Беликова докладываю: в степи, вверх по течению Чарыша, замечено продвижение неизвестных всадников, человек этак двести. Капрал Беликов приказал гарнизону приготовиться к защите.

— Стой! — закричал Ползунов работным. — Занять места в укреплениях! При появлении противника каждому показывать готовность к бою — высываться из укреплений и кричать, чтобы противник убедился, что нас много числом!

Ползунов поспешил в укрепления. Христианин увеличил гарнизон пристани до пятнадцати человек. Считал, что такой силы, опирающейся на хорошие укрепления, вполне достаточно, чтобы отразить нападение противника, пре-восходящего в четыре-пять раз по численности — именно такими ордами обычно и передвигались джунгары.

Капрал Беликов смотрел в бинокль с караульной вышки. С появлением Ползунова немедленно опустился вниз.

— Слыши, Иван Иваныч! Джунгары, как я понял, к нам идут. Придется бой принять.

Ползунов не ответил Беликову. В бинокль хорошо было видно, как конные джунгары не-

престанно перестраивались на ходу, отчего для наблюдателя оказывалось затруднительным выделить кого-нибудь из них. Такой маневр джунгары совершали перед боем, чтобы противник не мог определить их предводителя.

Неожиданно джунгары закончили перестроение и остановились. Ползунов, смотревший в бинокль, радостно воскликнул:

— То же мой старый друг хан Абак! Митрофанов, принеси-ка мне подарок хана да по быстрее!

Надев пояс, Ползунов вышел навстречу хану. Тот радостно заулыбался. Подзорную трубу, подарок Ползунова, хан без надобности правляя рукой, стараясь показать, что он не забыл о ней. Потом заговорил через переводчика:

— Твой подарок, друг мой, помог мне увидеть то, что раньше казалось недосягаемым моему глазу. Подъезжая к здешним местам, я издали увидел на берегу Чарыша укрепления, которых никогда раньше здесь не было. А в тех укреплениях, как я сейчас понял, сидят твои люди, друг мой. Только знать надобно, что землица эта испокон веку джунгарским ханам подвластна!

И вдруг голос хана сделался резким и пронзительным. В нем отчетливо послышались обида и угроза:

— Зачем в прошлую встречу бродячим русским человеком назвался, который выказал смирение и лесть хану? А сам людей привел в мои края, укреплений накопал. Обманывать великого хана никому не дозволено!

Разгневанный хан, не ожидая ответа, бешено пришпорил коня и умчался к отряду. Джунгары тотчас скрылись в прибрежном логу.

— Ишь, какой шустрой! — сказал капрал Беликов и добавил: — Я сразу заприметил, как он закипел. Ну, думаю, полонить зачнет Иван Иваныча. Ах нет, видно, крепка старая дружба. Улетел, как стрела из лука...

Ползунов же продолжал испытывать тревогу. Какое-то тайное предчувствие подсказывало, что этим дело не кончится. Ползунов долго не мог заснуть, беспокойно ворочаясь с боку на бок. Старался отвлечься посторонними мыслями. Перебрал их сотни, но ни одна из них не отеснила на задний план тревожные мысли о большом отряде джунгар, рыскавшем поблизости.

Где-то за полночь послышался несмелый стук в окно. Ползунов не обратил внимания на него, подумав, что на улице поднялся ветер. Но стук повторился настойчивее прежнего. Не было сомнения, что стучал человек. Ползунов вышел в сени, громко спросил:

— Кого носит в столь поздний час?

— Открой, барин! — послышался осторожный шепот. — Это я — Селезень!

— Селезень?!

Ползунов широко раскрыл двери и, убедившись, что перед ним действительно Селезень, принялся тискать его в своих объятиях, приговаривая:

— Вот это встреча! Заходи же, дорогим гостем будешь!.. Рассказывай, где обитаешь, как нашел меня?

— Не время, барин, объяснять долго. Скажу только, что живу у впадения ключа Безымянного в Чарыш. Там за буйными зарослями пихтача скалы нагромождены с пещерами в них. К тебе же, барин, пришел с недоброй вестью. Слушай! Перед зарей хан Абак со своими конниками начнет переправу через старицу Чарыша, которая подходит к твоим укреплениям и не охраняется солдатами. Намерен внезапностью нарушить твою оборону и сжечь пристань, как Чагирский рудник во времена Демидова. Надо упредить Абака, выставить в месте переправы заслон солдат, которые залпом из ружей отпугнут джунгар. А сейчас прощай, иначе джунгары могут заметить мое отсутствие.

— Ты разве с ними? — спросил удивленный Ползунов.

— Нет же, барин! Нет! Потом объяснюсь!

— А как пройдешь наши посты? Дать тебе провожатого?

— Не беспокойся, барин! На старице твоих постов нет. Там у меня на берегу, в кустах, лодчонка привязана. На ней и переправлюсь благословясь!

И исчез в темноте...

Солдаты во главе с капралом Беликовым побежали к переправе через старицу. Собственно не к переправе, а к броду. При лунном свете брод хорошо заметен по отлогим и голым песчаным берегам. Ширина старицы здесь не более тридцати пяти саженей. Беликов разместил солдат в двойную цепь. Сам же укрылся за толстой ветлой, откуда хорошо просматривался противоположный берег старицы. Давал наставления солдатам полушепотом:

— Как взмахну шлагой, первая цепь открывает прицельный огонь, вслед за тем вторая.

Время тянулось мучительно долго. «Экая благодать! Тишина. Природа спит, как младенец. Кто ее посмет нарушить или разбудить? — думали умиротворенные солдаты и про себя проникались тайным сомнением: — А может, все эти разговоры о возможном появлении джунгар чья-то досужая выдумка?»

Но прошло чуть более часа, и за черневшим изгибом забоки послышался приглушенный топот конских копыт. В разрывах прибрежных кустов замелькали черные силуэты

всадников, ехавших на малых рысях. Потом опять все стихло. Видно, всадники остановились за выступом густого кустарника, что подходил к самому броду. Беликов видел, как качались кусты. «Наверное, перестраиваются, чтобы выйти на открытое место в полной готовности. Даже разведки не выслали. Значит, уверены полностью в успехе своего предприятия».

Джунгары выехали из-за укрытия по пять конников в ряд и стали спускаться к реке. Когда на берегу осталось менее половины орды, Беликов дал сигнал — в воде лошадь намного теряет скорость, да и пугливее делается. Ударил залп, за ним второй. Лошади без всадников бешено колотили ногами по воде, которая от этого, казалось, чернела. Следовали новые залпы, строй джунгар совсем нарушился. Люди, сраженные пулями, падали в реку. Поднялась сутолока. Джунгары поспешно отступили...

На другой вечер к Ползунову вновь явился Селезень. Коротко, с восхищением в голосе пояснил:

— Изрядно потрепал ты, барин, джунгар! Больше носа не сунут. Потому как сам хан Абак убит на переправе. Когда хоронили его, проклиняли ту минуту, когда тайно решили напасть на вас.

— Хана Абака убили? — переспросил Ползунов. Лицо его заметно построжело.

— Точно, барин! Сам видел, как опускали его в могилу с оружием, как приносили жертву у сопки Высокой.

— Жаль! Кто мог подумать, что смерть стоит у него за плечами. — Ползунов на минуту печально задумался. — Ну а ты... Надеюсь, скажешь теперь, отчего пользовался милостью джунгар?

— Затем и пришел, барин! Есть у джунгар переводчик. Сын мастерового Колывано-Боскесенского завода беглый Василий Злобин. Когда впервые обнаружили меня джунгары, потащили к хану. Злобин переводил вопросы Абака ко мне, а узнав, что я был секретным колодником на Змеевском руднике, про никся участием и упросил хана, чтобы меня джунгары не трогали. Так мы стали друзьями со Злобиным. От него я и узнал о тайных замыслах хана напасть на вас с тыла.

— Спасибо, Селезень! Выручил и немало, — поблагодарил Ползунов и спросил, улыбаясь: — Как там мой отпускной билет? Не потерял еще в своих пещерах?

— Что ты! Храню его пуще глаза!.. Ну, будь здоров! До будущей встречи!

— До свидания, Селезень! Жди к себе в гости в середине лета!